
ЭТНОСЫ И «НАЦИИ» В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

В СРЕДНИЕ ВЕКА
И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

Коллектив авторов
Этносы и «нации» в Западной Европе
в Средние века и раннее Новое время

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11975519
Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н. А.
Хачатурян.: Алетейя; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-9905927-4-2

Аннотация

Настоящая монография стала итогом работы одноименной общероссийской конференции медиевистов, состоявшейся на историческом факультете МГУ 15–16 февраля 2012 г. На обширном историческом материале исследуются этнические и протонациональные дискурсы, а также обусловленные ими практики в Европе в Средние века и раннее Новое время. Особое место уделено факторам, определявшим специфику этнополитических процессов в композитарных и сложных по этническому составу государствах.

Для историков, политологов, социологов, а также интересующихся этнической историей европейских народов в Средние века и раннее Новое время.

Содержание

Этносы и нации: преемственность явлений и проблемы «актуального средневековья»	5
I. Этнонациональные процессы: факторы, результаты, номинация явлений	12
I.I. Проблема этносов и протонаций в контексте социально- экономической и политической эволюции средневекового общества в Западной Европе[1]	12
I.II. Медиевистика и национальный вопрос (о неопределенности определений)	24
I.III. Некоторые замечания о Византийских моделях «этнической» идентификации	32
I.IV. Этнолингвистические критерии в описании Ирана в «Хронографии» Иоанна Малалы	41
II. Формы этнонациональной самоидентификации: историческая рефлексия, и правовая мысль, культурные феномены	48
II.I. «Франция родина правосудия». Институционализация патриотизма[2]	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время

ETHNOSES AND «NATIONS» IN WESTERN EUROPE

IN THE MIDDLE AGES AND THE EARLY MODERN TIME

Edited by *N. A. Khatchaturian*

Saint-Petersburg

ALETHEIA 2015

*Издание подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ) Проект № 06-01-00486а*

Редакционная коллегия:

д. и.н., профессор *Н. А. Хачатурян* (ответственный редактор), к.и.н., доцент *И. И. Варьяш*, к.и.н., доцент *Т. П. Гусарова*, д.и.н., профессор *О. В. Дмитриева*, д.и.н., профессор *С. Е. Фёдоров*, *А.В. Романова* (ответственный секретарь)

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Л. М. Брагина*
доктор исторических наук, профессор *А. А. Сванидзе*

Этносы и нации: преемственность явлений и проблемы «актуального средневековья»

Настоящая монография стала итогом работы общероссийской конференции медиевистов, организованной Оргкомитетом научной группы «Власть и общество» при кафедре истории средних веков и раннего Нового времени Исторического факультета МГУ, состоявшейся 15–16 февраля 2012 г.

Сама конференция – восьмая по счету, и девять опубликованных монографий, восемь из которых являются коллективными¹, позволяют, по нашему мнению, признать, что решение членов кафедры в начале 90-х годов создать научную группу, которая бы консолидировала в масштабах страны медиевистов, по преимуществу специалистов по политической истории Средневековья, с целью возродить и обновить эту область знания в отечественной науке, – в целом оправдало себя. Предлагаемые Оргкомитетом группы к разработке проблемы и их решения отражают современный уровень мирового исторического знания. Их отличает разнообразие аспектов изучения, в которых присутствуют государственная и институциональная история, в частности, в контексте актуальной сегодня концепции *Etat moderne*; политическая история, часто в рамках микроистории (события, люди), или тоже актуальных сегодня параметрах её культурно-антропологического измерения (имагология, политическая культура и сознание). Специальное направление исследований составляют социологические проблемы потестологии с темами: феномен власти и средства её реализации, в исследовании которых историю традиционных политических институтов несколько потеснили формы репрезентации монарха, апеллирующие к сознанию членов общества и рассматриваемые властью в качестве своеобразного диалога с ними.

Показателем требуемого сегодня научного уровня работы группы, служит неоднократная поддержка её исследовательских и издательских проектов со стороны РГНФ. Концептуальная и проблемная целостность изданий, которые обеспечивают программные проекты конференций с последующей редакционной работой над текстами, само содержание материалов с их проблемной рубрикой делают труды группы не сборниками статей, но *de facto*, – коллективными монографиями.

Что касается научной значимости материалов данной публикации, то её определяет несколько слагаемых. В их ряду следует назвать тот факт, что предыстория современных западно-европейских государств началась именно в эпоху Средневековья. В рамках этой эпохи они пережили процесс трансформации этносов в более сложные социополитические и культурные этнонациональные образования, обретшие уже в Новое и Новейшее время статус национальных государств, обозначивших основные контуры политической карты сегодняшней Западной Европы. Более того, востребованность этой тематики подчеркнули процессы современной глобализации мира, которые во многих случаях обострили не только межгосударственные отношения, но и внутреннюю жизнь в ряде стран, благодаря возвращению казалось бы изжитых процессов самоопределения этносов вплоть до попыток образования ими новых государств или возвращения некогда потерянной политической самостоятельности. Усилия в формировании новой этнонациональной архитектуры современного мира только в Западной Европе демонстрируют регионы северной Италии на Аппенинском полуострове, страна басков и Каталония на Пиренейском полуострове, носители романского и фламандского языков в Бельгии и Нидерландах; наконец, население Ирландии и Шотландии в Британском содружестве. Современные этнонациональные проблемы, подтверждая неизбежность процесса исторического развития, вместе с тем приближают к нашему сегодня – далекое средневековое прошлое, которое обнажает генезис интересующих нас

явлений: полиморфизм начальной истории этносов, сложный путь их консолидации в новую более зрелую общность, специфику условий, предопределявших выбор того или другого этноса на роль ведущего в национальном самоопределении общности, наконец, возможности или слабости последней, которые, в частности, могли зависеть от положения в ней малых этносов.

К сожалению, отечественные историки-медиевисты не создали специального направления по изучению данной тематики. На страницах наших работ она возникает чаще всего в качестве сопутствующих сюжетов, в контексте проблем освободительной борьбы или формирования национального сознания и чувства патриотизма, восприятия «свой-чужой». Уступив эту область исторического знания преимущественному вниманию этнографов, антропологов и социологов, историки-медиевисты обеднили собственный предмет анализа, в известной мере облегчив возможность нарушения принципа исторической преемственности в решении интересующего нас вопроса. Эту ошибку часто допускают исследователи – «новисты», особенно политологи и социологи, рассматривая такое явление как нация исключительно в пространстве проблем Нового времени и современности.

Несомненную остроту теме сообщает состояние современного научного знания, связанное с изменениями в эпистемологии и в первую очередь с новыми оценками роли сознания в историческом процессе и подходах к его изучению. Итогом, и следует признать весьма плодотворным, подобных изменений стало специальное внимание исследователей к проблемам эмоционального и отрефлексированного восприятия человеком этнонациональных общностей. Именно в этом контексте исследований появились, к примеру, новые темы идентификации и самоидентификации этнонациональных групп. Бесспорную значимость чувственного начала в формировании в конце XVI – начале XVII вв. глубоко осознавал выдающийся для своего времени английский историк Уильям Кэмден. Воссоздавая на страницах своих сочинений сложную структуру британской общности (география, народы, языки, историческое прошлое, памятники...) – он справедливо заметил: «Язык и место всегда держат сердце»². Однако процесс исторического познания столь же убедительно демонстрирует собственные сложности, – одной из которых является, с почти непреложной настойчивостью повторяющееся стремление исследователей придавать очередной новации в видении исторического процесса исключительное значение. Подобная «эмоциональность» ученых чаще всего оборачивается нарушением комплексного видения процессов и явлений. Категоричные заявления, согласно которым, этнос и нацию «делает ощущение индивида своей принадлежности к ним», – не должно для исследователя обесценивать факта реального формирования и существования соответствующей общности. На наш взгляд, этот давний, казавшийся вечным спор о «первичности яйца или курицы», в свете исторической эпистемологии сегодня выглядит, если не решенным до конца, то безусловно менее схоластичным, благодаря преодолению в философии истории традиционной альтернативы в вопросе соотношения материи и духа. Оба условия – возможность соблюдения принципа исторической преемственности в оценке явлений «этнос» – «нация», подобно задаче преодоления разрыва в толковании связи «явление – представление о нем», с преимущественным вниманием к «представлению», – лежат в анализе интересующей нас темы на путях её комплексного видения и рассмотрения. Именно этот методологический подход стал одной из ведущих линий в материалах данной публикации.

Было бы неправильным считать, что авторы тома решили задачу соотношения и природы этносов и наций, тем не менее, материалы публикации делают очевидной преемственность этих явлений, подчеркивая, таким образом, отнюдь не «внезапное» появление национальных общностей Нового времени, в любом случае ставших результатом внутренней трансформации аморфных этнических социумов в более зрелые образования. Вместе с тем, факт преемственности этих явлений и повторяющиеся компоненты в их характеристике:

«малые» или «ведущие» этносы, – общая историческая судьба и историческое существование социумов в очередных геополитических границах государств, – затрудняют возможность уловить «начало» качественного перехода.

В материалах, представленных Н.А. Хачатурян, сделана попытка найти решение вопроса в контексте анализа условий общественного развития, которые подготовили этот переход. Совокупность изменений – экономических, социальных, политических, – начавшихся в условиях модернизации средневекового общества, при их относительной координации, – автор определила понятием «консолидации», подчеркнув глубину процесса. Именно этот процесс, в качестве решающего средства преодоления средневекового партикуляризма, обозначил, по её мнению, вектор движения к возникновению «национального» единства (потенциал мелкого производства, связанное с ним умножение социальных связей и расширение пространства их действия; преодоление личностного начала в них; выравнивание социального статуса крестьянства и горожан, их сословно-корпоративная самоорганизация; социальная динамика; формирование института подданства...)

Дополнительный научный интерес к теме сообщает её дискуссионный характер, вызванный состоянием понятийного аппарата проблемы. Номинацию явления формировали опыт греческой и римской истории [понятия этнос (ethnos), нация (natio/, связанные с глаголом рождаться (nascor)], тексты Библии, раннесредневековых и средневековых авторов и документов создавали множественность, неопределенность и переплетенность терминов из-за разности смыслов, вкладываемых в повторяющиеся во времени слова-понятия, или наоборот, из-за употребления разных понятий к однопорядковым явлениям (племя, народ). «Осиное гнездо понятий» – оценка ситуации, встречающаяся в современной научной литературе, весьма убедительно свидетельствует на наш взгляд о нецелесообразности чрезмерного увлечения терминологией явлений, поскольку оценку сущности последних, как содержательного наполнения их условных по характеру номинаций, может обеспечить только конкретно – исторический анализ с учетом того, что ни одно из понятий не может передать содержательную множественность явлений. Убедительность последнего соображения показал анализ общественных предпосылок интересующего нас явления в упомянутой выше публикации Н.А.Хачатурян. Именно такой, лишенный ригоризма подход к понятийному аспекту темы демонстрирует М.А. Юсим в своей теоретической по характеру главе. Специальный интерес в ней вызывает толкование автором модных сегодня в исторической и социологической литературе тем, связанных с проблемой номинаций, но посвященных изучению иных форм сознания, которые в контексте этнонациональных процессов реализуют себя в явлениях идентификации (соотнесения субъекта с группой) и самоидентификации (субъективное осознание субъектом или группой своего образа).

Наша позиция в отношении понятийного ригоризма, излишняя увлеченность которым часто подменяет собой собственно научный анализ реальных явлений, получает дополнительные аргументы в весьма интересной и значимой для нашей темы главе, написанной Р. М. Шукуровым. Содержащийся в ней материал представляет собой органическое соединение исторического и философского аспектов исследования, посвященного византийским моделям этнической идентификации. Оставляя в стороне принципиально важный в эпистемологическом контексте для предпринятого автором анализа вопрос об «архаизации» исследовательской манеры византийских интеллектуалов, я позволю себе выделить его соображения по принципиальным проблемам, затронутым в нашей публикации. Р.М. Шукуров, к примеру, подтверждает впечатление о возможности множественных подходов или маркеров при выработке (формировании) понятий для этнических явлений. По данным византийских текстов автор вычленяет модель этнической идентификации по номинации народов – близких или дальних соседей Византии, в основе которой лежал локативный (пространственный) параметр. Оценивая базовую логику византийского метода систематизации и классифика-

ции объектов исследования, автор, подобно византийским интеллектуалам, уделяет специальное внимание аристотелевской логике в части рассуждений великого философа о соотношении общего и единичного (род и вид), – в конечном счете о соотношении абстрактного и конкретного мышления. Эта теория, в качестве вечной истины получившая подтверждение и новое дыхание в контексте современного толкования принципа относительности в историческом процессе и эпистемологии, побуждает и нас, в хитросплетениях понятий непременно помнить об их условности.

Констатация Р.М. Шукуровым пространственного измерения идентичности народа или человека обозначила, на наш взгляд, некую проявившую себя особенность в материалах нашей публикации. Астрологические и климатические теории в трактатах Клавдия Птолемея, Гиппократы, Плиния Старшего, Посидония, – не позволили автору главы остановиться только на роли локального маркера в номинации этнических процессов. Они побудили его дать по существу, расширительную характеристику географического (пространственного) фактора в этих процессах, отмечая его влияние на нравы, характер и даже историческую судьбу народов в контексте идеи «баланса», «равновесности» в греческой философии. Эти наблюдения в совокупности с анализом политического влияния пространственных мутаций на этнический полиморфизм в условиях формирования этнонациональных государств (гл. Н.А. Хачатурян), – подчеркнули целесообразность рассмотрения роли географического фактора в качестве специальной линии исследования интересующего нас сюжета.

Группа глав в материалах тома с преимущественным вниманием к явлениям духовной жизни, пополнили картину социально – экономических и политических факторов показателями процессов формирования «национального» сознания, то есть анализом таких явлений как язык, культура, религия, мифы об историческом прошлом, историческая, политическая и правовая мысль. Исходный для авторов глав настрой на органическую связанность личностных и «материальных» параметров в этом анализе позволил им отразить современное видение людей далекого прошлого. Оно преодолело свойственный позитивизму настрой исключительно «социального» человека. Бывший ярким достижением исторического знания XIX века образ «социального» человека, то есть человека, включенного в общественную жизнь и в большей или меньшей мере зависимого от нее, изживал себя в условиях смены парадигм на рубеже XIX–XX веков, отмеченных нами выше. Новый образ человека-актера сегодня должен был быть восстановлен в свойственной ему полноте, – то есть в связке социального и природного начал прежде всего – его психологии.

Историческая, политико-правовая мысль, культурные феномены (поэзия в качестве объекта внимания) в монографии представляют собой по преимуществу формы отрефлексированного сознания, будучи, если не результатом творчества интеллектуалов, то в любом случае людей письменной культуры, образованной частью общества. Особенностью отрефлексированной, в первую очередь политико-правовой линии, явились свойственная ей выраженная печать организующей роли государственных структур или субъектная ангажированность позиции в отношении этнонациональных процессов.

Специальный интерес в этом контексте (и не только) представляет глава, написанная С.Е. Федоровым, значимость которой определяют две особенности: объект анализа и уровень его реализации. Речь идет о чрезвычайно трудном варианте формирования коллективной общности в условиях композитарной британской монархии XVI – нач. XVII веков, пытавшейся преодолеть партикуляризм составляющих ее компонентов, – английского, шотландского, ирландского и валлийского. Процесс исследуется на субъективном уровне конструирования концепции коллективной общности, с использованием дискурсивного анализа культурно-логических инструментов в текстах, созданных представителями интеллектуальных групп антиквариев, юристов и богословов. Дополнительный интерес авторской попытке сообщает многолинейность содержательной стороны исследовательского поиска с обра-

щением к историческому прошлому региона. Последнее обстоятельство позволило автору включить в свой анализ такие сюжеты, как проблемы культурного и территориального сосуществования кельтских и германских племен с пропагандистской тенденцией в концепции этих племен, а также теории континуитета в социально – политических институтах и церковной организации (гемот, инсулярная церковь) в истории британского содружества.

Любопытной перекличкой с материалами, публикуемыми С.Е. Федоровым, выглядит исследование А.А. Паламарчук, которое посвящено сложной судьбе «британской» общности в условиях той же композитарной политической структуры, которое она реализует в контексте редкого в отечественной медиевистике и потому особенно ценного анализа права. Дополнительный интерес анализу сообщает факт неунифицированной и сложной правовой ситуации в Англии, где действовали параллельно общее и гражданское право, признающее до известной степени влияние Римского права. Автор иллюстрирует неодинаковое восприятие идеи британской идентичности теоретиками гражданского права с настроем на объединение общности, – и общего права, с настроем на сохранение региональных особенностей.

Монография содержит материалы своеобразной переклички вариантов функционирования политического фактора в стратегии формирования протонациональной идеологии. Её могли создавать в качестве гарантов справедливости высшая судебная инстанция и, следовательно орган государственного аппарата, каким является Парламент во Франции и Парламент Англии как общественный институт (статьи С.К. Цатуровой и О.В. Дмитриевой).

III раздел в монографии: «"Свои" и "чужие": конфликты или сотрудничество?» – группирует публикации, которые объединяет идея «противопоставления» народов – как почти непереносимый, весьма эмоциональный и потому опасный компонент этно – национального самосознания.

Материалы раздела отличает конкретность и убедительность, которые обеспечены тщательным анализом не только нарративных, но и документальных источников – немецких, французских, венгерских и австрийских. Они отразили как разнообразие вариантов комбинации этно-конфессиональных элементов в гетерогенных политических образованиях типа Священной Римской империи, Австро-Венгрии или государствах Пиренейского полуострова, так и разнообразие в выборе маркеров, с помощью которых происходила «сортировка» на «своих» и «чужих». Они, наконец, дают любопытные «подсказки» на путях возможного смягчения позиций в восприятии «чужих», которые демонстрировало средневековое Западно-европейское общество – будь то нужда в грамотных профессионалах в управлении немецкими княжествами, – неизбежность «интернационализации» исполнительного верховного аппарата в многоэтнической Австро-Венгрии (Т.Н. Таценко, Т.П. Гусарова), или объективная необходимость в иностранных специалистах в условиях формирования мануфактурного производства, в частности по причине заинтересованности в освоении новых видов производства во Франции (Е.В. Кириллова).

В главе, написанной Т.П. Гусаровой, проблема кадровой политики Габсбургов в Венгерском королевстве, в частности её хорватского компонента, персонифицирована и документально подтверждена биографией и деятельностью юриста-хорвата Ивана Китоница, что сообщило анализу красноречивую убедительность. Обращают на себя внимание два факта, замеченные автором, которые по нашему мнению свидетельствуют о заметном отставании композитарной монархии Габсбургов и её составляющей – Венгерского королевства на путях модернизации средневекового общества и институционализации здесь государственности. Оба эти обстоятельства не могли не сказаться на процессах формирования «национальной» консолидации. Показательными примерами служат толкование «нации» в правовых нормах государственной жизни, ограниченные рамки дворянского происхождения и причастности к политическому управлению; а также ограничение доступа членов социума к

королевской юстиции, – знак выраженного средневекового партикуляризма, затруднявшего оформление института «подданства».

Особый интерес представляют материалы, отразившие этнические и национальные процессы на Пиренейском полуострове в сравнительном сопоставлении их решения в исламской и христианской организациях политического устройства, которые обнаруживают известные совпадения: в вариантах маркирования населения не по принципу крови, но конфессиональной принадлежности; в формальной (вероятно не исключавшей возможного насилия), но «толерантности», благодаря факту признания автономного самоуправления конфессиональных социумов мусульман, иудеев, христиан, – самоуправления, регулируемого договором (И.И. Варьяш).

Выраженный теоретический аспект анализа отражает интересную попытку решения вопроса автором главы в контексте моделей политической культуры, в данном случае, модели, которая формировалась под влиянием особенностей Римской государственности, – отличной, от варианта развития, в Восточном Средиземноморье и ролью Византии в нем.

Итак, материалы, опубликованные в настоящем издании, отразили результаты много-стороннего анализа этнонациональных процессов, происходивших в Западной Европе на уровне медленных глубинных изменений в общественной системе, более подвижных государственных форм, с учетом организующей роли политического фактора на уровне идей и эмоций участников процессов, а также примеров опыта взаимодействия «своих» и «чужих», ведущего этноса и малых образований. Подводя итоги коллективного исследовательского поиска, я позволю себе не только подчеркнуть исключительное значение «средневекового» этапа в историческом процессе, в данном случае по показателям этнонационального вектора развития, но попытаюсь аргументировать эту могущую показаться чрезмерной высокую оценку соображениями, в тоже весьма рискованном и обязывающим автора контексте «актуального Средневековья». Попытка не окрашена чувством реванша за долгую недооценку средневековой истории в советской исторической науке XX столетия. Утверждение не продиктовано встречающимися иногда в истории «повторами» старых форм общественного развития, которые, как правило, в современной жизни выглядят неорганичным явлением, будучи только слабым отражением своих оригиналов (рабство сегодня; апроприация публичных государственных служб, публичной власти или собственности, создание частных «дружин» защиты). Речь идет о значимости средневекового опыта при весьма выразительной множественности оснований, обусловивших на наш взгляд эту значимость. Назову три из возможных аргументов.

Это, во-первых, место «средневекового» этапа на шкале исторического времени. Он стал непосредственной «предысторией» современного общества, благодаря потенциалу общественной системы, отличительным признаком которой в условиях социального неравенства был экономически зависимый, но личностно свободный мелкий производитель, владеющий орудиями труда, – обстоятельство, которое стимулировало его инициативу. Это позволило именно на данном витке развития обеспечить радикальный поворот в историческом процессе, положив конец доиндустриальному этапу в мировой истории, обозначив, довольно отчетливо на какое-то время контуры будущего общества. Специфика западноевропейского региона и по ряду показателей Европы в целом, – сделала его лидером социально-экономической, политической и культурной модернизации мирового исторического процесса.

Конечная временная граница этапа, условная и растянутая и для западноевропейского региона, отделена от нас в масштабах исторического времени всего тремя-двумя с половиной столетиями, что делает живой нашу историческую память.

В качестве второго аргумента можно указать на познавательную сторону интересующего нас вопроса, поскольку средневековый опыт обнажает генезис движения от этнической незрелой общности к «национальному» объединению, конкретизируя процесс.

Начальный этап этого движения, который определяет в известной степени будущие возможности, слабости или, наоборот, достижения его результатов, облегчает, таким образом, понимание и усвоение уроков прошлого, или поиски выхода из трудных ситуаций сегодня.

Последний аргумент касается эпистемологии вопроса, убедительно демонстрируя важное условие современного потенциала мирового исторического знания – плодотворность и необходимость комплексного видения явления как наиболее полного из возможных приближений к его воссозданию и пониманию исследователем.

Примечания

¹ Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. СПб.: Алетейя, 2001; Королевский Двор в политической культуре Европы в средние века и Раннее Новое время. Теория. Символика. Церемониал / Отв. ред. Н.А. Хачатурян, М.: Наука, 2004; Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н.А. Хачатурян, М.: Наука, 2006; Искусство власти: В честь профессора Н.А. Хачатурян / Отв. ред. О.В. Дмитриева, СПб.: Алетейя, 2007; Власть, общество, индивид в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2008; *Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008; Властные институты и должности в Европе в Средние века и Раннее Новое время / Отв. ред. Т.П. Гусарова, М. 2010; Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Н.А. Хачатурян, М.: Наука, 2011; Королевский двор в Англии XV–XVII веков / Отв. ред. С.Е. Федоров. СПб., 2011 (Труды Исторического ф-та. СПбГУ Т.7).

² *Пронина Е.А.* У истоков национального историописания: Андре Дюшен и Уильям Кэмден: Опыт историко-культурного анализа) Автореферат дисс. на соискание степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 2012.

Хачатурян Н.А.

I. Этнонациональные процессы: факторы, результаты, номинация явлений

I.I. Проблема этносов и протонаций в контексте социально-экономической и политической эволюции средневекового общества в Западной Европе¹

Побудительным мотивом для написания раздела монографии стали не только научные интересы автора, но и состояние вопроса в исторической литературе. Являясь объектом преимущественного внимания этнологов, социологов и культурологов, тема этнос – нации имеет долгую историографическую судьбу, благодаря которой отечественная и западная наука располагает солидной базой конкретных и теоретических, часто спорных исследований.¹ Изучение вопроса сегодня (имею в виду вторую половину XX – первые десятилетия XXI столетия) впечатляет разнообразием направлений, многие из которых тяготеют к разработкам биологических, социо-функциональных, культурно-исторических аспектов темы. Весьма заметный интерес в последнем случае к проблемам восприятия явления и его образа в коллективном или индивидуальном сознании членов этно-национальной общности, реализованной в темах «образ другого», идентичность и самоидентификация этносов и наций, – был определен радикальными изменениями в философии и истории второй половины XX века. Они дали новое понимание роли и природы фактора сознания в историческом процессе и эпистемологии, в частности, благодаря преодолению традиционной альтернативы в оценке соотношения материи и духа.

В этом потоке множественного разнонаправленного поиска неизбежно, как показывает опыт изучения исторической мысли, появление крайних оценок, или максимализация значимости какого-то одного научного направления. Подобный настрой делает возможными парадоксальные (даже с коррективой на «вырванность» из контекста) заявления в виде вопроса о том, – группа ли порождает идентичность, или индивиды, идентифицирующие себя, – порождают группу? Аналогичное впечатление производит утверждение: «нет общности, поскольку она не воспринята»...

Очевидно, авторы подобных крайних заявлений стремились подчеркнуть значимость фактора «состояния умов» в истории. Но рассуждения по принципу альтернативы, казалось бы уже изжитые наукой, – как правило упрощают понимание явления или процесса, не будучи соотносенными, хотя бы в виде упоминания, – с более широкой картиной факторов, других подходов и других соображений по поводу их анализа.

Специалиста по политико-государственной истории, несомненно, заинтересуют встречающиеся в литературе рассуждения о «нациях». Нельзя не согласиться с утверждением известного американского социолога Б. Андерсона относительно национального сознания сообщества, по мнению которого оно предполагает способность его членов понять и помнить обо всем, что объединяет их, и забыть все, что их разъединяет. Однако оценка нации как «воображаемой конструкции», существование которой не только гарантируется, но и «создается стратегией управления» (*imaginaire politique*) вызывает возражение категоричностью акцента, напоминая о необходимости соблюдения комплексного подхода к анализу исторических явлений. Именно последняя оценка побудила нас обратиться к спорному сюжету,

¹ Глава подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-01-00366а.

поставив вопрос о роли социального и политического факторов в процессе движения общества от этнических образований к протонациональным и далее национальным государствам. Будучи медиевистом, автор могла себе позволить анализ только предыстории такого явления как «нация», на этапе которой, тем не менее, закладывались базовые условия генезиса явления, что позволяет, таким образом, конкретизировать когнитивные возможности подобного решения темы, поскольку именно этап становления явления может выразительно высветить глубинные компоненты в качестве условий его конституирования и даже дальнейшего существования, его будущей прочности, или слабости... В индустриальной и постиндустриальный период, когда явление «нации» получит качественную завершенность и станет общим фактом, подобно более или менее сбалансированному типу социального развития современных стран или их парламентского устройства, – быстротекущие политические события потеснят в сознании современников глубинные процессы. В этой ситуации может показаться, что нации, существуя в динамичном и быстроменяющемся пространстве «короткого времени», как знак «гражданственности», действительно обязаны своей данностью исключительно усилиям и способностям государства, которое, в свою очередь, оказывается в положении явления, «шагающего в воздухе, как в китайских картинах, где отсутствует земля».²

Требуемую в подобных случаях научную коррективу может обеспечить апелляция к принятой сегодня научной методологии исследования, основными принципами которой являются комплексное и системное видение исторического процесса, а также связанный с ними социальный подход к политической и духовной истории. Став величайшим достижением исторической мысли XIX века, все три принципа увеличили свой эпистемологический потенциал благодаря процессу обновления исторического знания в новейшее время, что помогает исследователям с большим успехом уловить и отразить в своих «конструкциях действительности» гибкость и динамичность последней. В контексте интересующей нас темы, в ряду новаций следует выделить признание ученым сообществом сложного неоднозначного характера внутрисистемных связей разноуровневых компонентов комплексного процесса; возможность опережающего или исключительного значения одного из факторов процесса; подвижность и гетерогенность самой системы, её креативные способности...

Новые решения, предлагаемые историческим знанием, могут облегчить трудную задачу достижения гибкой и по возможности взвешенной оценки роли политического фактора в историческом процессе. Неизбежная связанность с инициативным, волевым, организующим началом, которое воплощают верховная власть, деятельность государственного аппарата, политическая мысль, – ставила политический фактор в особое положение в общественной жизни хотя и при прочих экономических, социальных и культурно-исторических условиях ослаблявших или усиливавших его роль.

Его история начинается с момента вступления человеческой общности на путь цивилизационного развития, оказываясь, таким образом, связанной с формированием этносов, хотя функциональная множественность и степень исходного воздействия этого фактора были заметно ограничены. Тем не менее, принятая в научной литературе расшифровка определения «этнос» выглядит неполной, часто будучи ограниченной упоминанием таких параметров явления как общность происхождения, языка, территории, традиций, мифологической культуры. Очевидно, что в этом случае во внимание приняты только природно-естественные и культурноисторические компоненты явления. Однако человек становится фактором исторического процесса как член сообщества – социального организма, который институционализирует себя пусть в примитивных, но политических формах также. Даже на этапе догосударственной истории задачи военной защиты, реализации поведенческих норм и общих жизненных проблем, будь то хозяйственного или правового порядка – общины решали в политической форме народных собраний, с помощью «публичных» лиц – старейшин, действовавших властью убеждения.

В контексте поставленной в статье проблемы этнонационального вектора развития полагаю целесообразным уделить специальное внимание «пространственному» или «территориальному» фактору, который должен был оказывать влияние не только на хозяйственные занятия членов сообщества, но формы их расселения и социальные связи. Изменения в пространстве расселения отражали и вызывали процессы трансформации этнических сообществ и их самосознания в эволюции от кровнородственных объединений к сложным племенным союзам и затем территориальным образованиям, в том числе государственным, в рамках которых возникали связи, послужившие основанием для появления понятий «страна», «народность»... Непрочные границы раннесредневековых политических образований, их гетерогенность (вариант империй) или относительная гомогенность позволяют выделить в качестве особо значимых «объединительную» функцию государства и объединительные тенденции в общественном развитии.

В этом соотношении социального и политического факторов на этапе раннего средневековья, результативность воздействия последнего на этнические процессы выглядит более очевидной. Социальная действительность и происходящие в ней сдвиги реализовали себя, в отличие от политических событий, в пространстве медленно текущего времени, отражая близость западноевропейских народов первобытнообщинному периоду их истории, пребывая на начальных стадиях становления мелкого производства в его формах натуральной экономики, когда только возникал, в более или менее ускоренных темпах в зависимости от регионов, новый тип зависимого мелкого производителя, который, начав терять землю, – утверждал свой статус в качестве собственника орудий труда. Тем не менее, оба фактора – по-разному и в разной степени, – но влияли, в частности, на масштабность и характер объединительных процессов в этносах. Эти процессы реализовывались в условиях неравномерного развития и поэтому в неизбежных противоречиях центростремительных и центробежных тенденций. И государство, и общество, – могли при этом по каким-то показателям способствовать гетерогенности этнических процессов: государство – своей экстенсивной универсалистской политикой, подавляя какие-то племена и народы; общество – самим фактом непреодоленного полиформизма в составе своего населения и слабыми пока резервами для его преодоления. Малый этнос мог в большей или меньшей степени инкорпорироваться в более крупные объединения, или, наоборот, жестко сохранять свою автономию по отношению к «ведущему» или структурообразующему этносу в племенных союзах, народностях и далее – этнонациональных государствах.

Эти особенности отчетливо проявили себя в истории одного из самых крупных раннесредневековых государств в Западной Европе, с самой продолжительной по времени своего существования историей – государстве франков в эпоху Меровингов и Каролингов. Уже на этапе династии Меровингов исходная гетерогенность ведущего этноса – племенного союза франков, существующего к тому же в комбинации с галлоримским населением, была усилена поглощением королевств вестготов, затем бургундов с последующим присоединением Прованса. Имперские амбиции Карла Великого обеспечили новые импульсы для гетерогенных тенденций с иллюзией восстановления прежних границ Римской империи. Но нельзя не признать, что весьма «продвинутые» для того времени институциональные формы патримониального государства Каролингов делали заметными его объединительные усилия. Их консолидирующий общество знак несли королевские указы, регулирующие судебную процедуру, состояние монетного дела, контроль за общественным порядком. В них имелись даже попытки контролировать соблюдение взаимных обязательств сеньоров и вассалов. Тем не менее, отмеченная нами «продвинутость» государственных форм на том этапе была весьма относительной, так как реализовалась в нормах практики «кормления» и личностных связей. Знак этнического полиморфизма отмечал попытку, условно говоря, «унификации» обычного права, точнее попытку трансформировать племенной принцип в территориальный, в

802 году, закончившуюся только редактированием и частичной модификацией Аллеманской, Баварской, Рипуарской и Саксонской правд, при сохранении легального действия упрощенного Кодекса Юстиниана и бревиария Алариха. Тем не менее, красноречива и сама попытка верификации обычного права, подобно факту перевода текста Салической правды на верхненемецкий язык. Наконец, за рамки оценки объединительных тенденций только в политическом контексте выходит неоднозначный, но подготовленный объективными условиями, факт распада универалистской империи Каролингов при формировании в ее недрах трех больших агломераций – народностей, прорисовавший дальнюю перспективу национальной истории трех западноевропейских народов и государств – Франции, Германии, Италии.³

Собственно средневековый этап западноевропейской истории, когда утвердилась новая общественная система, изменил, но не отменил полиморфизм общества в целом, по определенным параметрам даже умножив его. Условия реализации крупной земельной собственности, предопределив необходимость политического иммунитета ее владельцев, – легализовали их частную власть, результатом которой стал полицентризм политической структуры.⁴ Это обстоятельство не способствовало политической стабильности, особенно в условиях «феодальной раздробленности» (X–XII вв.), тем более, что верховная государственная власть, борясь с внутренним для нее злом полицентризма, – во многих случаях не отказывалась от универалистских планов, на уровне международных отношений перекраивая политическую карту Западной Европы. Отмеченные тенденции подпитывала, делая возможными, глубинная основа общественной структуры – мелкое производство, что в совокупности условий предопределило сущностную черту средневекового общества – его партикуляризм. Это обстоятельство не могло не отразиться на судьбах интересующего нас вопроса этнического развития, обнажив главное условие в процессе формирования социально – политических организмов, какими должны были стать нации – непременное преодоление средневекового партикуляризма, должное обеспечить рождение нового «единства» человеческих сообществ. Подобный процесс имел постепенный, относительный по своим итогам характер и, главное, – не мог стать результатом только политического развития.

В этом контексте особый интерес представляют процессы, происходившие в западноевропейском обществе в период XIII–XV вв. и раннее Новое время, которые открывали и реализовывали движение по данному пути.

В исторической литературе, особенно общего характера, оценка значимости отмеченных изменений часто ограничивается, в частности, для «отправного» отрезка времени XIII–XV вв., – их ролью в процессе централизации – действительно очень важного рубежа в истории западноевропейских народов и государств. Однако само понятие «централизации» оказывается недостаточным для обозначения глубины начавшейся модернизации самой структуры средневекового общества, замыкая внимание на государственной политике, даже если при этом не игнорируются социально-экономические предпосылки для ее реализации. Общий и вместе с тем сущностный смысл процесса модернизации в интересующем нас аспекте анализа целесообразнее было бы определить понятием «консолидации», способным стать общим и знаковым для всей совокупности общественных отношений – экономических, социальных, политических и духовных. Применительно к процессам формирования протонациональных образований в условиях сохранявшего себя этнического полиморфизма, понятие «консолидация» также демонстрирует свою известную корректность, не купируя ни одну из трудностей на этом пути: вариативный и неоднозначный характер процессов, возможность их конечной незавершенности, могущей взорвать на каком-то этапе «национальную» общность.

Именно консолидация сообщества как глубинный и комплексный процесс способствовала с большим или меньшим успехом и в зависимости от конкретно-исторических условий, – преодолению любых локальных, в том числе этнических, привязанностей и норм

жизни, не всегда уничтожая, но перекрывая их, отодвигая в сферу по преимуществу частных отношений, предлагая членам сообщества в вопросах существования и выживания новые социально-экономические, политические и культурные формы и масштабы жизнедеятельности.

Наша попытка суммировать основные социально-экономические условия процессов консолидации, красноречиво рисует формирование уже для периода XIII–XV вв. нового образа средневекового общества, в известном смысле несущего на себе знаки его будущего конца. Однако, соблюдая принцип «восхождения», было бы правильнее оценить формирование этого нового образа как свидетельство потенциала средневековой общественной системы, не преувеличивая вектора направленности на будущее, во всяком случае в его разрушительных последствиях. Среди причин, призывающих исследователей к осторожности, можно назвать длительную временную протяженность средневековых процессов в экономической и социальной жизни, несмотря на постепенное ускорение темпов развития, особенно заметное в условиях раннего Нового времени. Целесообразно в этой связи вспомнить о признании современной медиевистикой справедливости понятия «долгого Средневековья». Это понятие, некогда введенное Жаком Легофом, должно было подчеркнуть по мысли известного французского историка факты медленного изживания средневековых форм сознания даже на поздних этапах раннего Нового времени. Ныне это понятие приобрело функциональное значение для признания гетерогенности развития в раннее Новое время всей совокупности общественных отношений. Оно существенно корректирует современные представления о сложности «переходного периода» какими для Западной Европы стали XVI и XVII века, когда новый, уже ведущий уклад еще не обрел качественной системной определенности.

Возвращаясь к вопросу о «больших возможностях» средневековой общественной системы в социально-экономической сфере благодаря производителю, хотя и зависимому, но владеющему орудиями труда, – важно обратить внимание на явление общественного разделения труда, ставшего дополнительным и радикальным по своим последствиям фактором прогресса. Не фиксируемый точной датой, этот медленный глубинный процесс обозначил свое оформление исключительно важным делением экономики на два сектора: ремесленного и аграрного производства (VIII–X вв.). Результатом этого качественного сдвига стало развитие товарной экономики, вытеснявшее натуральные формы хозяйства, служившие основанием для экономического и политического полицентризма.

Дальнейшее развитие общественного разделения труда воплощал процесс *специализации*, охвативший все стороны общественной жизни – экономическую, – социальную (социальные функции и стратификация населения), – политическую (формирование системы государственного управления), – культурно – образовательную. Иными словами, этот фактор стал базовым условием формирования в обществе разнообразных и множественных связей, которые создавали по-новому консолидированное общество, выводя жизнь его членов за рамки вотчинных и общинных, цеховых и городских, сеньориально-вассальных, наконец, местных и провинциальных связей. Набрав силу в XIII–XV вв., этот процесс повысил значимость и изменил роль орудий труда в структуре производительных сил в обществе. Заметный прогресс в орудиях труда, подкрепленный освобождением собственности на орудия труда для ремесленников от контроля со стороны земельного собственника по результатам освободительного движения городов в XII–XIII вв., – подрывал монопольное в аграрных обществах положение земельной собственности в качестве основного средства производства, вытесняя постепенно ручной труд («средневековая индустриализация»). Изменения в структуре производительных сил позволяют в рамках ретроспективного анализа и «долгой протяженности» увидеть будущую конечную границу доиндустриального периода в истории западноевропейских народов. Однако для достижения этой границы им придется пере-

жить этап крупного мануфактурного производства, развитие которого только начнет работу могильщика мелкого производства – этой основы средневековой общественной системы. Мануфактурное производство не справится с подобной задачей, оставив её решение индустриальному обществу Нового времени, существенно продвинув, тем не менее, процесс преодоления, – в пределах возможного, – партикуляризма в экономике.

В контексте вопроса об условиях преодоления партикуляризма в средневековом обществе, оценка социальных результатов в ходе его модернизации дает не менее любопытный материал.

В их ряду – изменение статуса мелкого производителя в деревне – появление лично свободного крестьянина; развитие нового социального организма – города и оформление городского сословия, консолидировавшего лично свободных мелких производителей и собственников в ремесле и торговле. Отмеченные сдвиги сообщили средневековой общественной системе необходимую полноту и относительную «завершенность».

Развитие свободной собственности на орудия труда становится источником денежного капитала (главным образом в ремесле и торговле), повысив социально – экономический и до известной степени политический статус его обладателей. Это в свою очередь способствовало социальной динамике, – вытесняя личностный принцип в социальных связях денежными отношениями, ослабляя тем самым принципы социальной стратификации.

Показателем наиболее важных по значению социальных сдвигов стал процесс социально – политического самоопределения общественных сил в Западной Европе, заметно расширивший состав людей, приобщенных к общественной активности.

Она реализовалась на разных уровнях корпоративного движения в рамках цеха, гильдии, города, сельской общины. Высшую форму социальной активности обеспечило оформление сословий, предполагавшее уровень общегосударственной консолидации и социально – политическую активность общественных сил в органах сословного представительства. Ситуация радикально меняла социально-политическую расстановку общественных сил в стране, существенно расширив состав лиц за счет непривилегированного населения, в частности горожан, оказавшихся способными (в той или иной мере) выйти на диалог с монархом, сформировав выборный общественный орган и попытавшись ограничить с большим или меньшим успехом авторитарную власть.

Сословное самоопределение, несомненно, отразило и, главное, способствовало консолидации средневекового общества. Однако этот процесс, созданный творчеством только европейских народов на этапе средневековой истории, нес на себе печать корпоративной ограниченности, которая не позволяла обществу осознать себя единым социальным организмом. Условием для достижения подобной цели должна была стать отмена сословной стратификации и внедрение принципа юридического равенства всех перед законом. Достижение подобного условия принадлежало другому времени, будучи подготовленным, тем не менее, предшествующим средневековым опытом жизни.⁵

Что касается политической сферы жизни в предыстории западноевропейского общества периода Нового времени, – то процессы внутренней консолидации здесь шли, условно говоря, примерно с XIII века, в рамках особой формы средневековой государственности – так называемого «государства *moderne*» (*Etat moderne*), которую посчитала целесообразным выделить современная историческая наука. В контексте социальных отношений эта форма предполагает не столько процесс установления, сколько данность существования феодальных отношений, их углубления и модернизацию.

В политическом контексте эта форма позволяет оценить теперь уже результативность для верховной власти процесса централизации, на базе которого изживались, преодолевались черты так называемой патримониальной государственности, характерной для периода генезиса феодальных отношений и раннего этапа их утверждения. Отличительным знаком

этой политической формы являлся частный (личный) принцип в социальных связях и государственном управлении. Власть монарха конституировал земельный домен, что уподобляло его крупным сеньорам, располагавшим политическим иммунитетом (он только «первый среди равных», «сюзерен» в системе сеньориально-вассальных отношений, но не «суверен»); монарх располагал только формой «дворцового управления», действующего в пространстве личностных связей (например, служба по долгу вассала сеньору; институт «кормлений»); он имел ограниченные материальные возможности для реализации функции протекции или принуждения.

Модернизация средневековой государственности сделала отличительным знаком новой политической формы утверждение публично-правовой природы власти и аппарата управления. Новая форма была подготовлена изменениями в социальной базе монархий, формированием системы государственного аппарата управления, развитием позитивного (государственного) права, импульсом и фактором для которого стал ренессанс римского права. Теперь государственный аппарат материализовал притязания монарха на высшую власть «суверена» – «императора в своем королевстве», действуя в новых по характеру связях с ним – не личностных, но «публичных», опосредованных государством: оплата службы в денежном эквиваленте формировалась из поступлений не от домениальных доходов монарха, но от налогов, сконцентрированных в казне.

Публично-правовой контекст в деятельности верховной власти резко увеличил ее функциональные возможности. В сознании средневекового общества монарх олицетворял публичное Право, Закон и Общее благо, то есть те нормы и принципы, которые оправдывали, делая более эффективной его политику, в частности по преодолению полицентризма и, что особенно важно в свете интересующего нас вопроса, – формированию института подданства. С помощью института подданства вытеснялась частная власть сеньора в вотчине, корпоративная автономия профессиональных или территориальных образований, включая города. Их население становилось открытым для государства и подконтрольным ему. Государство «перетягивало» исключительно на себя функции протекции и порядка, монополизировав таким образом решение жизненных проблем и надежды общества на реализацию именно им – справедливости и общественного блага.⁶

Завершая характеристику проявлений социально-политического фактора, уводящих средневековое сообщество от партикуляризма, следует назвать уже упомянутую выше политическую форму «средневекового парламентаризма». Тогда речь шла об этом явлении в контексте социальной эволюции – процесса сословного самоопределения и консолидации общественных сил. В данном случае целесообразно отметить роль этого органа в качестве школы воспитания общественной активности. Представительный орган действовал в рамках сословного, следовательно, тоже корпоративного деления, что в известном смысле снижало его «консолидирующую значимость». Однако сословное самоопределение предполагало общегосударственный уровень консолидации для каждой сословной группы; их представители решали вопросы, связанные с общегосударственными интересами; наконец сама совокупная практика депутатов должна была содействовать выработке в обществе представлений о государстве как «общем теле»

Подобные изменения могли формировать позицию «гражданственности» в поведении членов сообщества, теперь озабоченных не только проблемой обретения политических прав, но способных испытывать чувство ответственности за «общее благо». Деятельность средневековых парламентов обеспечивала пока только первые шаги на путях превращения общности в «национальное тело», – задача, которая оказалась по плечу уже Новому времени, провозгласившему всеобщее юридическое равенство. Декларации об отмене сословного деления явились не только результатом решимости депутатов парламентов XVII–XVIII веков, в частности английского или французского. Страсти политической борьбы в этих

учреждениях могли провоцировать депутатов на весьма радикальные, хотя и далекие от реального наполнения заявления, двумя-тремя столетиями опережая революционное время в Западной Европе.⁷ Однако в последнем случае решения об отмене сословного деления определялось готовностью большей части общества принять подобную новацию.

Полученный в результате предпринятого в статье анализа материал позволяет высказать несколько заключительных соображений. Их возможность в известной мере предопределил подход к решению поставленной в разделе проблемы. Этот подход характеризовала в первую очередь попытка рассмотрения явлений этносов и наций в их временной последовательности, которая позволила на наш взгляд подчеркнуть перетекание этнических общностей в национальные, при более или менее этно-гетерогенной форме единства новых образований и естественных возможностях для каких-то этносов стать в них ведущей силой в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств.

Специальное внимание в статье политическому фактору в развитии этнонациональных процессов не перечеркнуло комплексного видения каждого из явлений, но не позволило ограничить оценку этносов по преимуществу культурно-историческими и эмоциональными показателями, или свести характеристику наций в качестве исключительно политических конструкций. Оба явления воплощали комплексную совокупность естественно-природных, социально-экономических, социально-политических и культурных параметров развития в своем содержании. Существенно трансформированные во времени, эти параметры оставались преемственными. Модернизация средневекового общества и растущая институциональная зрелость государственности на этапе публично-правовой истории – по сравнению с этнополитическими сообществами эпохи раннего средневековья меняли формы, масштабы и историческую судьбу новой общности, чаще всего этногетерогенной. Но эти процессы не перечеркнули присущие человеку привязанности к месту своего рождения – его «малой родине» (*pays de nativité*), языку или диалекту, на котором он начал говорить. Принадлежность к «малой народности» не мешала принять новые формы социальных связей, соучаствовать в образовании «национальной» культуры и общенационального языка. Хотя, естественно, – подобный «плавный» исход процессов этнонациональной эволюции зависел от многих обстоятельств, в частности, – от степени самоопределения и зрелости, в том числе институциональной, этнических групп в их гетерогенном протонациональном образовании. Он также предполагал соблюдение определенных условий в сосуществовании этих общностей, и прежде всего, – взаимного соблюдения норм поведения: не насильственного со стороны ведущего в национальных образованиях этноса и согласия принять другой этнической или полиэтнической частью сообщества, новую историческую судьбу. Подчеркнутые в статье факты преемственного развития явлений «этнос – нация» и силу этого вектора движения получили убедительное подтверждение в наши дни. Сегодня оно свидетельствует о незавершенном характере процессов трансформации этносов в нации даже в эпоху глобализации мировой истории, может быть, как раз активизируясь в качестве противовеса этой тенденции?

В предпринятом анализе, – его объектами стали по преимуществу две сферы исторической действительности – социальная и политическая. Они рассматривались в тесной связке друг с другом, хотя и на уровне, главным образом, социологических процессов, при сознательном элиминировании конкретно-исторической событийной и духовной истории, что потребовало бы специального внимания и выхода за рамки статьи. Тем не менее, именно в её заключительной части и в качестве заключения, позволю себе коротко обратиться к политической событийной ситуации из близкой моим научным интересам истории Франции с тем, чтобы подчеркнуть значение и результативность процессов, которые должны были способствовать формированию «национального» качества еще средневековых государственных сообществ.

Достаточно «нейтральный» для эксперимента по принятым в науке меркам «средневековой истории» опыт так называемого периода «классического средневековья», то есть XIV–XV века – демонстрирует для исследователя пример весьма тяжелой «проверки на прочность» французского государства и общества, и пусть начальных, но итогов процессов этнонациональной консолидации, а именно, – угрозу потери независимости в Столетней войне. Оккупация значительной части территории, гибель людей и разорение и раскол страны, английский король на французском престоле, – безвыходная, казалось бы, ситуация, получившая неожиданный и благоприятный исход. Он традиционно объясняется в литературе указаниями на фактор «освободительной» войны и успехи в конечном счете государственного строительства. Однако материалы статьи существенно дополняют картину фактами принципиальных изменений в природе власти, сделавших последнюю основным носителем

функции порядка и юстиции, – в природе общества, особенно его непривилегированной части, и характере диалога монарха и общества. Совокупность этих взаимосвязанных процессов – социальных, институциональных и Этнонациональных – сформировала политико-государственную устойчивость и возможности военного сопротивления. Разработки последних лет, в частности, в «отечественной» литературе, существенно углубляют и традиционные объяснения феномена Жанны де Арк. В них обычно подчеркиваются «размах» освободительной войны, мистическая вера в легитимного монарха, религиозное сознание общества и самой героини. Не опровергая этих объяснений, хотела бы напомнить, что это бесспорно неординарная по своим качествам личность родилась и формировалась в специфической среде французской деревни. Её актер не серв, но цензитарий, не только лично свободный человек, но производитель, получивший заметные преимущества в операциях с земельным держанием (его заклад и даже продажа); в условиях выраженной тенденции к ликвидации сеньориальной запашки превративший свое хозяйство в основную производственную единицу, наконец, – член сельской общины, реализующей формы самоуправления в её взаимоотношениях с собственным сеньором и внешним миром. Все эти особенности стимулировали общественную активность сельских жителей, повышали их ощущение самооценности, меняли поведенческие нормы. Не следует забывать, что размах и эффективность освободительной борьбы определял не только её «народный» характер, но факт организованного сопротивления в деревне и в городе, население которых действовало в привычных для них формах городских и сельских корпораций. Более того, – государство в свою очередь использовало сельское и городское ополчение, подключив их действия к военным операциям королевской армии.⁸ Новации в сельской жизни стали органической частью медленно набиравшего силу процесса преодоления средневекового партикуляризма, который освобождал людей от ощущения их причастности к жизни только своей вотчины, города, провинции, монастырю, стимулируя восприятие ими собственной принадлежности к обществу в целом. Ощущение «своего корня (souche)», ранее связываемое с местом непосредственного рождения – в новых условиях могло и должно было обретать форму восприятия страны в целом как Родины, – в качестве знака общей исторической судьбы и исторического сосуществования, очерченных геополитическими границами.

Неслучайно, едва ли не определяющим мотивом многочисленных политических трактатов XIV и особенно XV века во Франции следует признать мысль об «общем деле», «общем долге» защиты Родины. Даже с коррективой на просматриваемый в трактатах «правительственный заказ», который не могли не осознавать их авторы, часто бывшие королевскими чиновниками, подобно А. Шартье или Дезюрсену, такая позиция была знаковой⁹. Более определенным и «массовым» по характеру свидетельством общественных настроений стала реакция – если не общества в целом, то значительной его части на Труасский договор 1420 г., лишивший Францию права на существование её в качестве самостоятельного государства и разделивший страну на два непримиримых лагеря. Конечной стала

победа противников договора, посчитавших невозможным «двойное государство», даже при сохранении самостоятельного управления для обеих частей, при одном, но «чужом» для Франции английском короле. Ситуация демонстрировала рождение новой формы государственности, судьбы которой уже не решались в лимитах только династических, тем более сеньориально-вассальных и, в целом, – связях личностного характера или принципах частного права.

Рост институциональной зрелости французской государственности шел параллельно этнонациональной консолидации наполнявшей его общности, нормы жизни которой теперь на общегосударственном уровне регулировали публичные Закон и Право.

Примечания

¹ Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменений этнических и этно-природных явлений. Шанхай, 1922; Бромлей Ю.Н. Этнос и этнография М. 1973; Элита и этнос Средневековья / Под ред. А.А. Сванидзе М., 1995; Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья/ Под ред. Р.М. Шукурова. М., 1999; Античность, культура, этнос / Под ред. А.А. Белика. М., 2000. С. 229–276; Лучицкая С.И. Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001; Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социокультурной антропологии. М., 2003; Нация и история в русской мысли начала XX в. М., 2004; Костина А.В. Реквием по этносу или «Виват этнос!» // Национальная культура. Этническая культура. Мировая культура. М., 2009; Вопросы социологической теории // Научный альманах / Под ред. Ю.М. Резника, М.В. Толстановой. М., 2010. Т. 4; Hu-isinga J. Patronism and Nationalism in European History. Men and Ideas. London, 1960. P. 97–155; Guenee B. D’histoire de l’Etat en France a la fin du Moyen Age vue par les historiens francais depuis cent-ans» Revue historique, t CCXXXII, 1964, pp. 351–352; idem, «Etat et nation en France au Moyen Age // Revue historique, t. CCXXXVII. No. 1. P. 17–31; Idem. Espace et Etat dans la France du Bas Moyen Age // Annales. 1968. № 4. P. 744–759; Weber M. The Sociology of Religion. London, 1965; Idem. Economy and Society. N.Y., 1968; Chevallier J. Histoire de la pensee politique. t. I; De la Cite-Etat a l’apogee de l’Etat-Nation monarchique. t.II, Ch.V. Vers l’etat national et souverain. P., 1979. P. 189–214; De Vos G. Ethnic Pluralism: Conflict and accommodation / Ethnic Identity: Cultural Continuities and Change. Chicago, London, 1982. (Перевод: «Личность, культура, этнос / Под ред. А.А. Белика. М., 2001. С. 229–276; Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983; Beaune C. La Naissance de la nation France» P. 1985; Smith A. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, New-York, 1986; Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996; Ясперс К. Общая психопатология. М. 1997; Moeglin J-M. Nation et nation-alisme du Moyen Age a l’Epoque Moderne (France – Allemagne) // Revue historique. CCC. 1/3. 1999. P. 547–553; Idem Dela «nation allemande» en Moyen Age // Revue francaise d’histoire des idees politiques. Numero special: Identites et specificites allemandes. N. 14. 2001. P. 227–260; Geary P. J. The Myth of Nation. The Medieval Origins of Europe. Princeton, 2002; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003; Он же. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности М., 2008; Гидденс Э. Социология. М., 2005; Этнические группы и социальные группы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта. М., 2006; Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008.

² Выражение Ж. Мишле, представителя школы романтизма во французской исторической науке. Во вступлении к последнему прижизненному изданию своей «Истории Франции с конца XV века до 1789 года», он, по существу предвосхищая принципы формирующегося тогда направления позитивизма, пишет о необходимости комплексного видения историче-

ских явлений и, в частности, «укоренения в почву» политической истории. *Histoire de la France par la fin du XV siecle jusqu a 1789*. P., 1869.

³ *Fournier G.* Les Merovingiens. Paris, 1966; Halphen Z. Charlemagne et l'empire carolingien. P., 1995; Lemaignier J.-Fr. La France medieval. Institutions et Societe. P. 1970. T.I; Favier J. Charlemagne. P., 1999.

⁴ *Хачатурян Н.А.* Полицентризм и структуры в политической жизни средневекового общества // Хачатурян Н.А. «Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008, С. 8–13.

⁵ *Хачатурян Н.А.* Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-медиевиста на проблему «коллективного субъекта» // Хачатурян Н.А. Власть и общество... С. 31–46; *Она же.* Европейский феномен сословного представительства. К вопросу о предыстории «гражданского общества» // Власть и общество. С. 156–227, 178–188; *Она же.* «Суверенитет, закон и вся община»: взаимодействие и дихотомия власти и общества» // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008. С. 5–10.

⁶ *Хачатурян Н.А.* Феномен сословного представительства в контексте проблемы Etat Moderne // Общество, власть, индивид. С. 34–43; *Она же.* Западно-европейский монарх в пространстве взаимоотношений с духовной властью (морфология понятия власти) // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2006, С. 19–28; *Она же.* «Король – император в своем королевстве. Политический универсализм и централизованные монархии // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и Раннее Новое время / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2001 С. 66–88; *Stayer J.R.* On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton, 1970; Renaissance du pouvoir legislative et genese de l'Etat / Ed. A. Gouron, A. Rigaudiere, Montpellier, 1988; Les monarchies: Acte du colloque du Centre d'analyse comparative des systems politiques / Le Roy La-durie. P., 1988; Coulet N et Genet.-Y-P. L'Etat modern: territoire, droit, systeme politique. P., 1990; *Genet Y.-P.* L'Etat modern. Genese, Bilans et perspectives. P., 1990; *Quillot O., Rigaudiere, Sasser Yv.* Pouvoirs et institutions dans la France medieval. P. 2003; *Genet G.-Ph.* L'Etat moderne: genese, bilans et perspectives. P., 1990; Visions sur le developpement de l'Etats europeens. Theorie et historiography de l'Etat modern // Actes du colloque, organise par la Fondation europeenne de la science et l'Ecole fransaise de Rome 18–31 mars. Rome. 1990; Les origins de l'Etat moderne en Europe / Ed. par W. Blockmans et J.-Ph. Genet. P., 1996.

⁷ Автор дневниковых записей заседаний Генеральных Штатов во Франции 1484 Жан Масслен отмечал факты радикальных настроений депутатов, напоминая всем присутствующим, что королевская власть – только «служба» на благо государства Великий сенешал Бургундии Филипп По сир де ля Рош в духе известной в Средневековье светской концепции происхождения королевской власти, провозгласил, по его словам, идею «народного суверенитета», назвав именно народ «верховным сувереном», некогда создавшим и короля, и государство... *Journal des Etats generaux tenus a Tour en 1484 sous le règne de Charles VIII*, redige en latin par Jehan Masselin, depute de baillage de Rouen (publ. par A. Bernier. P. 1835 P. 140–146, 166, 644–646. См. также *Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989. С. 225).

⁸ См. попытку рассмотрения истории самообороны в сельской местности в период Столетней войны в качестве самостоятельного фактора, оказавшего воздействие не только на масштаб освободительного движения, но структуру и тактику будущей постоянной армии во Франции (роль пехоты в качестве самостоятельной части военной структуры; отход от принципов рыцарской войны). *Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции. Гл. IV:

Структура и социальный состав армии XIV–XV вв., раздел: Самооборона народных масс. С. 145–156.

⁹ *A. Chartier. «Le Quadrilogue invectif»* (Четырехчастный обвинительный диалог) / Ed. Y.Droz. P., 1950; *Juvenal des Ursins «Ecrits politiques»* / ed. P.S. Zewis, t.I. P., 1978; t. II. P., 1985; «Audite celi»... (Внемлите, небеса.) t.I. P. 145–278.

Хачатурян Н.А.

I.II. Медиевистика и национальный вопрос (о неопределенности определений)

Речь идет о некоторых соображениях по поводу понятия «нации» в разных его аспектах (историческом, филологическом, политическом, социальном, философском).

Национальный вопрос последние несколько столетий был постоянно актуален, а между тем само «реальное» существование наций и этносов ставится под вопрос настолько, что их называют воображаемыми сообществами. И между тем, с другой стороны, изучение истории проникнуто этническими интересами до такой степени, что специализация историков, наряду с хронологией, определяется этнографией: большинство из них занимается отечественными историями, а остальные специализируются по тем странам, языки которых им ближе (так, по крайней мере, в университетском преподавании). Но являются ли этнические общности историческими реалиями, о которых возможно научное, то есть непредвзятое, объективное и систематизированное суждение, или, в силу их сконструированности и неопределенности, в силу субъективности и в то же время предзаданности национальной самоидентификации такие суждения обречены нести идеологическую нагрузку?

1. Понятие «нации» в современном языке сформировалось исторически применительно главным образом к реальности XV–XX вв. Его нужно изучать в контексте как «конструктивизма» или инструментализма, так и в его (понятия) «объективных» основаниях.

Слова служат для описания феноменов, и как слова, так и феномены выстраиваются в некоторые иерархии и имеют свою историю.

Чтобы приблизиться к пониманию феномена «национального», я предлагаю рассмотреть, что такое идентичность вообще, как она применяется к историческим субъектам, затем уточнить понятия этноса и народа и после этого перейти к конкретной идее нации в ее историческом бытовании.

2. Итак, идентичность в самом широком значении – это факт тождества нескольких предметов, который тем самым говорит об их принадлежности к общему для них множеству, или тождества предмета (его образа) с самим собой. В философском смысле понятие «идентичности» фундаментально, так как из него вытекают всякое сходство и различие, и вместе с тем противоречиво, поскольку оно абстрактно – в природе не существует полной идентичности, вещи постоянно меняются, полное тождество невозможно. Противоречивость феномена «идентичности» заключается в том, что он предполагает раздвоенность: сопоставление чего-то с чем-то, но раздвоенность уже не есть тождество, или, если речь идет об одной и той же вещи, ее тождественность самой себе только мыслится; это в любом случае прибавление к ее собственному бытию или отвлечение от этого бытия.

Феномен живой материи можно понимать как сохранение самоидентификации совокупности клеток; идея субъекта заключается как раз в наличии и постоянном воспроизведении неповторимой комбинации этих клеток, или даже отдельных молекул. Субъект представляет собой, таким образом, активную идентичность, повторение неповторимого (индивидуального).

В мире живой природы существуют не только индивидуальные субъекты, но и коллективные, а также, если можно так выразиться, множественные. К коллективным относятся семьи и стада, рои насекомых; к множественным виды, подвиды и популяции. Самоидентификация природных организмов происходит почти автоматически, через общность происхождения и среды обитания; сущностные изменения происходят и накапливаются медленно. Животные руководствуются инстинктами, то есть заложенными природой инструкциями,

диктующими линию поведения. Но в основе всего поведения лежит идея индивидуального и коллективного «Я», которое является мерилom ценностей. «Я» – это знак, или в семиотической терминологии, десигнат (обозначающее) идентичности.

В человеческом мире действуют те же принципы, что и в животном, но к ним прибавляется культура, то есть система приспособлений, основанная на построении языковых моделей, накоплении ценностей и технологий, познании природы для ее освоения. Знание расширяет возможности выбора, но выбор в конечном счете все равно предпрещается мерилom ценности, то есть интересами индивидуального и коллективного «Я». Взаимодействие и конфликты этих интересов в основном определяют содержание того, что мы называем историей.

Человеческие виды и популяции формировались и продолжают формироваться по природным законам, видовые признаки и особенности организмов передаются генетическим путем. Вместе с тем в процессе истории культурный фактор все больше и больше влияет на поведение людей, а также на их отношение к себе подобным. Биологически-видовые различия, которые лежат в основе этнических, сохраняют свой базовый характер, но к ним добавляются, а иногда и вытесняют их на задний план культурные: конфессиональные (вера), социальные – место в общественной иерархии, профессиональные (род занятий), политические (подданство), цивилизационные – то есть основывающиеся на исторически сложившемся комплексе культурных признаков.

Вывод из всех этих рассуждений: этнические различия в человеческом обществе выступают не только как биологическая, но и как культурная данность. Следовательно, степень свободы или произвольности в процессе этнической идентификации или самоидентификации выше, чем при биологической видовой идентификации. Этничность является одним из инструментов так называемой социализации, то есть приспособления к социальной среде, так же как конфессия, подданство и т. д. *Выбор* этнической принадлежности гораздо более детерминирован, чем выбор веры, профессии или гражданства, но в какой-то мере, а именно в силу культурной составляющей этничности, он существует. Репертуар ролей, который открывается перед людьми, шире, чем у животных, благодаря богатству виртуальной реальности в обществе. А всякая роль требует самоидентификации с ней. Видовая в биологическом смысле или этническая роль утрачивает свое абсолютное главенство¹.

3. Для обозначения разных уровней этнических различий и разных исторических этапов становления этничности используются разные понятия: раса, племя, народ, семья, нация, этнос и другие. Слово «этничность» кажется наиболее универсальным и нейтральным и поэтому наиболее подходящим для научных текстов. Оно восходит к греческому слову «этнос», переводимому на русский как «народ», но при употреблении последнего в этническом смысле происходит неслучайная контаминация с его другими значениями. «Народ» в русском языке может, безусловно, обозначать этническую общность (как «народность» в знаменитой триаде с православием и самодержавием), но под «народом» также может пониматься совокупность всех граждан государства, или напротив, «простой» народ, третье сословие, трудящиеся в отличие от воителей и священнослужителей и т. п. Два этих неэтнических значения, как мне представляется, являются продуктом исторического развития, а именно, античной (римской) и средневековой европейской традиции употребления слова «народ» в политическом и социальном смысле, которая была перенята Возрождением и перешла в национальные языки (лат. *populus*, ит. *popolo*).

Вообще неопределенность всей этнической терминологии в отличие от биологической классификации видов указывает, по-моему, на *сильную культурную составляющую* в описываемых феноменах. Дискуссии о словах «нация» и «национальность» выявляют их сконструированность и историческую природу и подтверждают невозможность их однозначного

использования в средневековом контексте. Средневековая *natio* – совсем не то, что современная нация. Но и более нейтральное слово «народ» на поверку оказывается многозначным и ускользающим от простого истолкования. К вышеназванным смыслам для Средних веков следует добавить еще культурное противопоставление себя (Народа, или избранного народа, народа верных) «народам» (*gentes*), то есть язычникам, «языщем», непросвещенной толпе. Это противопоставление, с одной стороны, вполне этнично, с другой культурно; оно равнозначно античному противопоставлению культурного народа и «варваров», а возможно, и восходит к нему.

В конце концов получается, что культурная составляющая размывает сам феномен этничности. В частности, применительно к Средним векам не получается выделить один или господствующий тип этнических общностей (или, как сейчас часто говорят, «этнический»). Преобладало восходящее к античности географическое, то есть привязанное к территориям обозначение «народов». В свою очередь территории получали названия по именам населяющих их племен или мифологических персонажей (Европа). В Италии жили италийцы, но это слово не было названием народа. Принадлежность итальянцев определялась их происхождением из того или иного города или местности². Местность рождает людей, как флору и фауну. Раздробленность Европы, а с другой стороны, наличие надэтнических общностей: католический мир, империя, порождали локальный патриотизм. Пример другого, уже ренессансного патриотизма можно почерпнуть у Петрарки, стоявшего у истоков современной периодизации истории³. Петрарка, как и Данте, называет себя италийцем, но особо подчеркивает свое римское гражданство, вспоминая при этом и апостола Павла⁴. Любопытно, что Петрарка, который провел многие годы в Авиньоне, критикует некоего француза (галла), хулящего Италию. Поводом для этого (1373 г.) послужило недовольство французских кардиналов при папской курии отсутствием там бургундского вина⁵. Надо полагать, что такой итальянско-римский патриотизм послужил формированию будущих представлений об италийской нации⁶.

Интересно также, что этот новый или возрожденный римский патриотизм отвергает идею переноса империи, популярную в Средние века: империи греков, франков и германцев уже совсем не те, что у римлян⁷. Петрарка говорит о себе как об италийце по «национальности» (рождению, *natione*) и гражданине Рима. Римское гражданство, следовательно, это античный прообраз национальности Нового времени.

4. Отсюда можно перейти и к истории термина «нация». Он имеет общую этимологию с латинским *nasci* рождаться⁸. Словарь Дюканжа приводит два основных значения «нации»: 1) происхождение, положение семьи и рода; 2) университетские «нации»⁹.

Наиболее популярное, или широко известное значение слова *natio* в Средние века – это землячество, прежде всего применительно к студенческим объединениям в университетах. Но также и к купеческим, паломническим и другим. Логично, что такое обозначение использовалось в тех случаях, когда люди по каким-то причинам в известном количестве перемещались с места рождения.

Разнообразие значений понятия «нация» до сравнительно недавнего времени не уступает такому же разбросу в употреблении близкого ему, а иногда и противоположного, слова «народ». Мы проследим это разнообразие, опираясь на специально посвященную термину «нация» статью австрийского политического деятеля и поэта первой половины XX в. Гвидо Дзернатто¹⁰. В римском лексиконе слово *natio*, помимо того, что обозначало богиню-покровительницу родов, применялось к группе людей одного происхождения, но не к народу в целом¹¹. Однако смысл его был скорее уничижительный и близкий к греческому «варвары»

– это были иностранцы, которых отличали от римского «народа». Слово *patio* часто не имело никакого этнического оттенка, но почти всегда, по мнению Дзернатто, сохраняло комический. В этом смысле говорили о «нации эпикурейцев», а Цицерон применяет это слово в социальном контексте: «нация оптиматов»¹².

Любопытно, что неэтническое значение слова «нация» бытовало в западных языках до Нового времени; оно напоминает русское слово «народец», которое также может не иметь этнического оттенка, будучи, применено, например, к животным. В таком смысле его использует Эдмунд Спенсер¹³.

Другие писатели Нового времени говорят о «нации» в профессиональном смысле: «нация врачей» (Бен Джонсон), «нация поэтов» (Буало); в сословно-профессиональном: «ленивая нация монахов» (Монтескье); наконец, у Гёте это слово встречается в применении ко всему женскому полу (или точнее, ко всем девицам)¹⁴. Ранее Макиавелли употребляет выражение *di nazione ghibellino*¹⁵.

Все же наиболее распространенным в Средние века было территориально-корпоративное понимание слова *patio*. В Парижском университете имелось четыре нации: Французская, куда входили, кроме жителей части современной Франции, испанцы и итальянцы; Пикардийская, включавшая голландцев; Нормандская для жителей северо-восточной части Франции и Германская для немцев и англичан¹⁶. На вселенских церковных соборах, куда делегаты, как отмечает Г. Дзернатто, пребывали в качестве иностранцев, наподобие студентов в университетах, они также делились на «нации». На Констанцском соборе в Германскую нацию входили, кроме немцев, венгры, поляки, чехи и скандинавы¹⁷. Особенностью положения делегатов были, по мнению Г. Дзернатто, их представительные функции, что указывает на другое важнейшее значение слова «нация» в Новое время, сословно-политическое значение. В этом смысле под нацией еще в Средние века понималась только так называемая «элита», благородное сословие, в которое входило или к которому присоединялось духовенство, и которое имело исключительные гражданские права. «Политической нации» противопоставлялись те, кто работает по найму, кто беден, необразован, «не знает латыни» (Шопенгауэр)¹⁸. Территориально-земельному принципу политической организации в сочетании с феодальным дроблением и иерархией властных полномочий соответствовала возможность отчуждения целых областей. В Средние века территории присоединялись, завоевывались, продавались и закладывались. Идея о целостности нации более поздняя. Возможно, революции Нового времени выражают, наряду с прочим, рождение этого национального чувства. В эпоху романтизма, с конца XVIII в. истоки народности, национальной культуры искали именно в Средних веках, в их преданиях, истории, литературе на народных языках, культуре и искусстве.

5. Связь этического и этнического.

Сущность понятий этноса и нации, как ни странно, остается примерно той же на протяжении веков. Можно говорить о примордиализме и конструктивизме в понимании нации, и о том, что сегодня идея «нации» – скорее продукт культурного и исторического развития, обусловленный прежде всего политическими факторами. Но «национальный вопрос» лежит в несколько другой плоскости: я бы сказал, в плоскости *вменяемости*.

В природе видовая принадлежность предопределяет поведение, грубо говоря, от нее зависит, кто кем питается (разумеется, не только это). Виды и подвиды в природе, как и индивиды (ведь это «коллективные индивиды») могут сотрудничать, могут соперничать, но биологическая природа вида меняется только очень медленно, на протяжении многих поколений.

В обществе, как и в природе, коллективные и отдельные индивиды также могут сотрудничать и могут соперничать, это и этносы, и семьи, и социальные группы, но их поведение определяется не только внешней данностью, или законом, но и внутренним законом, представлениями о том, что правильно и что неправильно. Если нации делятся на плохие и хорошие от природы (варианты – умные и глупые, талантливые и бездарные), как животные на хищных и травоядных, то к ним нельзя в полной мере применить понятие вменяемости: их поведение предопределено. (И такой подход существовал и существует по сей день. В сущности, он основывается на инстинктах самосохранения коллективного «Я», как всякая идеология¹⁹).

В Средние века было широко распространено мнение, что характеры, склонности, нравственные качества и даже судьба людей в значительной степени связаны с обстоятельствами их рождения, с воздействием планет, что они изначально предопределены. Например, существовало предание об основании Флоренции римлянами, от которых ее жители унаследовали благородство и достоинство, но они смешались и с фьезоланцами, потомками разбитых воинов Катилины, отличавшимися буйным нравом и склонностью к раздорам. (Об этом пишут, в частности, Дж. Виллани и Данте²⁰). На судьбу Флоренции оказывал влияние и языческий Бог Марс, даже точнее предположительно изображающая его статуя, стоявшая у Старого моста.²¹

Поведение определялось рождением. Еретик мог раскаяться, и веру можно было сменить (это делали целые народы), но рождение оставалось определяющим... Рождение нельзя исправить. При этом в актах идентификации и самоидентификации, как в любом сознательном действии важнейшую роль играет оценочная составляющая, «воля», желание и осмысление (выбор цели).

Если следует применять к коллективным индивидам какие-то общие критерии, правила, предписывающие, как поступать – то есть, по логике, общечеловеческие критерии, то и судить о них следует так же, как об отдельных индивидах. Тогда к ним применим принцип справедливости: мои права ограничиваются правами других; пока я отстаиваю свое достоинство наравне с другими, я прав, но когда в защите своего достоинства я посягаю на чужие права, я виноват. Средневековые люди, благодаря христианству, имели представление об общечеловеческих ценностях, но на практике ценности коллективных индивидов преобладали и выглядели объективно заданными: истинная вера, избранный народ, лучшие по рождению люди.

Только в Новое время представление об относительности ценностей, можно сказать, десакрализация ценностей, привели к условному примату общечеловеческой идеи.

Не случайно сравнение слова («нация») с монетой в статье Г. Дзернатто²². Не существует абсолютной стоимости, все стоимости условны, хотя полновесная монета объективно ценнее, чем банковский билет. «Я» не есть абсолютная ценность, и нация не есть абсолютная ценность, хотя в какие-то моменты истории может на это претендовать. (Общество верующих, господствующий класс, народ – коллективные индивиды, которые претендуют быть высшими идеями отсчета).

В средневековой Европе не было национального вопроса, то есть он не был вопросом: неравенство народов, вер, сословий представлялось очевидным и незыблемым. (Хотя, повторюсь, было уже когда-то сказано «несть ни эллина, ни иудея». Да и светские дела должны были регулироваться «естественным правом»). Только когда была сконструирована идея государства-нации, возникли вопросы о праве наций на самоопределение, об интернационализме, о государственнообразующих или титульных народах, о правах меньшинств и прочие. Национально-государственная идея и идеология заместили собой религиозную²³. Возможно, **национальный вопрос возник тогда, когда незыблемость этнической при-**

надлежности была поставлена под сомнение: появились государства-нации, претендующие на замену этнического родства гражданством. (Отчасти похожая ситуация была во времена Римской империи и возникновения христианства).

Этническая нация или гражданская нация идеологически стали верховными мерилami ценности в обществе, но со временем, очевидно, и эти представления изживут себя. Пока можно констатировать, что в этом отношении, как во многих других, мы являемся прямыми наследниками средневекового общества.

Примечания

1 Надо оговориться, что и биологическое понятие вида в известной степени условно; не существует «чистых» этносов, как и «чистых» культур.

2 Например, Данте в своих письмах чаще всего называет себя флорентинцем, но иногда и «италиком» или итальянцем (италийцем). Известна формулировка начала Комедии из письма к правителю Вероны Кангранде делла Скала: *Incipit Comoedia Dantis Alagherii, Florentini natione, non moribus* («Начинается Комедия Данте Алигьери, флорентинца родом, но не нравами»). Также *humilis ytalus Dante Alagheriis Florentinus et exul inmeritus*: «смирренный италик Данте Алигьери, незаслуженно изгнанный флорентинец». См.: *Hollander R. Dante's Epistle to Cangrande*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993, p. 39.

3 См.: *Mommsen Th. E. Petrarch's Conception of the 'Dark Ages' // Speculum*. 17, 1942, pp. 226–242.

4 Ibid., p. 233 и *Petrarca F. Invectiva contra eum qui maledixit Italie // Opere latine di Francesco Petrarca / A cura di Antonietta Bufano*, U.T.E.T, Torino, 1975; «*Sum vero italus natione, et romanus civis esse glorior*». http://digidownload.libero.it/il_petrarca/petrarca_invectiva_contra_eum_qui_maledixit_italie.html

5 По опыту же и по примерам святых отцов, наконец, по наставлению Аннея Сенеки я могу заключить, что человеку в жизни достаточно хлеба и воды – он говорил о человеке, а не об обжоре; и это суждение выразил его племянник /Марк Анней Лукан/: «народам довольно реки и Цереры». Но не народу галлов. Однако и я, если бы был галлом, не говорил бы этого, а защищал бонское вино как высшую радость жизни и прославлял бы его в стихах, гимнах и песнях. Я, впрочем, итальянец по рождению, и горжусь тем, что я римский гражданин, а этим гордились не только государь и правители мира, но и апостол Павел, который сказал «Ибо не имеем здесь постоянного града» /но ищем будущего. Послание к Евреям 13:14/. Город Рим он называл своей родиной, и в великих опасностях говорит о себе как о римском гражданине, а не о галле по рождению, и это было ему ко спасению. *Ab experientia quidem et sanctorum patrum ab exemplis, ab Anneo demum Seneca didicisse potui, quod satis est vite hominum panis et aqua – vite hominum dixit, sed non gule – ; quam sententiam carmine nepos eius expressit: satis est populis fluviusque Ceresque. Sed non populis Galliarum. Neque ego, si essem gallus, hoc dicerem, sed beunense vinum pro summa vite felicitate defenderem, hymnis et metris et cantibus celebrarem. Sum vero italus natione, et romanus civis esse glorior, de quo non modo princeps mundique domini gloriati sunt, sed Paulus apostolus, is qui dixit: «non habemus hic manentem civitatem». Urbem Romam patriam suam facit, et in magnis periculis se romanum civem, et non gallum natum esse commemorat; idque tunc sibi profuit ad salutem.*

6 В этой связи можно упомянуть о гипотетическом конструировании «южноитальянского национального государства», о котором говорится в статье: *Андронов И.Е. Формирование национальной историографии в Неаполе эпохи Возрождения // Средние века*. Вып. 72 (1–2). М., Наука, 2011. С. 131–152. Вопросы вызывает как раз уверенность автора в наличии «национального в полном смысле слова» фундамента этого государства к началу XVIII в. В полном смысле средневекового термина или современного понимания нации? А если этот

смысл общий, то почему не говорить о венецианской или флорентийской «нациях» как о ядре будущего Апеннинского государства? Конечно, мы рассуждаем пост фактум и сегодня проще говорить о неизбежности объединения областей полуострова, чем в XIV в. его предвидеть. Но значение общей истории и памяти о ней в данном случае очевидно: древний Рим отбрасывает свою тень на последующие судьбы Италии.

7 *Mommsen Th. E.* Petrarch's Conception of the 'Dark Ages', p. 16.

8 Harper, Douglas (November 2001). «Nation». Online Etymology Dictionary. <http://www.etymonline.com>

9 I. Natio: 1) Nativitas, generis et familiae conditio. 2) Agnatio, cognatio, familia. 3) Regio, Gall. Pai's, contree. II. Nationes – 1) in quas Studiorum, seu Academiarum Scholastici dividuntur, 2) Plebei. Du Cange, et al., *Glossarium mediae et infimae latinitatis*, ed. augm., Niort: L. Favre, 1883–1887 по <http://ducange.enc.sorbonne.fr>.

10 Этот германоязычный автор (1903–1943), судя по фамилии, итальянского происхождения, эмигрировал в 1938 г. в США. Статья «Нация: история слова» переведена на английский язык и издана посмертно (только первая часть). Zernatto Guido. Nation: The History of a Word / Transl. Alfonso G. Mistretta // *The Review of Politics*. Vol. 6. No. 3 (July 1944), pp. 351–366. См. <http://www.jstor.org/stable/1404386>.

11 Ibid., p. 352.

12 Ibid., p. 353.

13 Ibid.

14 Ibid.

15 История Флоренции, II, 21. В русском переводе Н.Я. Рыковой: «происходя из гибеллинского рода». Здесь действительно имеется в виду прежде всего не партийная, а семейная принадлежность («по рождению гибеллин»). Во всех остальных случаях слово *pazione* Макиавелли использует в этническом или этно-территориальном смысле, см. словарь его лексики на сайте <http://www.intratext.com>.

16 *Zernatto G.* Op.cit., p. 355. Интересно, что в титуле каждой нации стояло ее почетное определение: у французской «достойная» (*l'honorable*), у пикардийской «верная» (*la fidele*), у нормандской «уважаемая» (*la venerable*), у германской «стойкая» (*la constante*).

17 Ibid., p. 358.

18 Ibid., p. 362, 363.

19 Ср. характеристику идеологии как иррационального инструмента коллективной самоидентификации у Э. Эриксона: «Под идеологией здесь будет пониматься сознательная тенденция, лежащая в основе религиозных и политических теорий; тенденция в данный момент сводить факты к идеям, а идеи – к фактам, с тем, чтобы создать достаточно убедительную картину мира для поддержания коллективного и индивидуального чувства идентичности». (In this book ideology will mean an unconscious tendency underlying religious as well as political thought: the tendency at a given time to make facts amenable to ideas, and ideas to facts, in order to create a world image convincing enough to support the collective and the individual sense of identity). *Erikson, Erik H.* Young Man Luther: A Study in Psychoanalysis and History. New York: W. W. Norton & Co., Inc., 1962, p. 22. Применительно к национальному чувству роль подсознания еще существеннее, так как ощущение причастности к коллективному индивиду по рождению имеет более «материальные» корни.

20 *Виллани Дж.* Новая хроника, или история Флоренции. М., Наука, 1997. С. 31. (Кн. I, гл. 38), с. 70 (кн. III, гл. 1). Данте Алигьери, Божественная Комедия, Ад. XV, 73–78.

21 *Виллани Дж.* Новая хроника, с. 34 (кн. I, гл. 42), с. 69–70 (кн. III, гл. 1). Данте Альгьери, Божественная Комедия, Рай, XVI, 145–147.

22 *Zernatto G.* Op.cit., p. 351.

23 В духе развития государственного суверенитета от Средних веков к Новому времени рассматривал идею нации Г. Пост: *Post G. Medieval and Renaissance ideas of nation* // *Dictionary of the History of Ideas: Studies of Selected Pivotal Ideas* /Ed. Philip P. Wiener. New York: 1973–1974, p. 318–324.

Юсим М.А.

I.III. Некоторые замечания о Византийских моделях «этнической» идентификации

Тексты средне- и поздневизантийского периода пестрят древними именованиями народов как то «галлы», «колхи», «гепиды», «скифы», «сарматы», «гунны», «тавроскифы», «трибаллы», «геты», «даки» и т. д., никак, на современный взгляд, не коррелирующими со средневековыми народами, ими обозначенными. Казалось, византийцы избегали неологизмов и лексических заимствований из внешнего мира, географическая, этническая номенклатура, реалии чужеземного социального и культурного быта нередко (но не всегда) именовались в терминах классической науки (историографии, географии и т. д.)¹. Этот известный феномен исследователи обычно именуют «архаизацией» современных византийским авторам реалий в результате перенесения традиционной, уже устоявшейся в греческой науке терминологии на новые объекты.

Проблемы истока и функции византийской «архаизации» решалась в современной литературе на базе нескольких методологий, применяемых в области исследований византийской культуры. Подавляющее большинство этих подходов развивается в контексте традиционной филологии и литературной критики и концентрируется на анализе *стилистических* особенностей византийских текстов. Согласно литературно-критическому объяснению, византийцы воспроизводили архаические топонимические и этнические термины, стремясь сохранить классическую целостность литературного дискурса, часто в ущерб фактологической точности². Наиболее полно эта позиция была сформулирована Г. Хунгером, который говорил даже о стилистическом «снобизме» византийских авторов и пренебрежении их к какой бы то ни было новой информации. Исследователь интерпретировал «архаизацию» и в более осторожных терминах как «мимесис», подражательное воспроизведение византийцами языка, стилевых особенностей и тем античной литературы³. Следовательно, сама способность византийцев, якобы всецело погруженных в имитацию древних форм и образов, к адекватному отражению реальности вызывала у исследователей серьезные сомнения⁴. Так, например, Г.Г. Бек говорил об отсутствии у византийцев любопытства по отношению к другим народам, что было следствием принципиальной автаркичности византийского сознания. Варвары рассматривались как некое недифференцированное и гомогенное единство⁵.

Вклад в прояснении генезиса византийских «архаизирующих» построений внесла *поэтология*, представленная отечественным исследователем М.В. Бибиковым. М.В. Бибиков подверг анализу византийские описания других народов вновь преимущественно с филологической точки зрения, но с использованием более изощренного поэтологического аналитического инструментария. Как показал М.В. Бибиков, «архаизация» была не столько рабским подражанием античным авторитетам, сколько одной из функций поэтологической структуры византийских текстов. Исследователь находит возможным говорить о *хронотопе варварского мира*, т. е. об особой организации пространства и времени в повествовании, которое и обуславливало функциональность и предметную значимость древних этниконов в византийском контексте⁶. В устойчивости практики сохранения традиционных этниконов сыграли свою роль и специфические стилистические стратегии византийцев, которые избегали включения в свое повествование «чужой речи», т. е. варварских неологизмов-этнонимов, чтобы не нарушить целостность повествовательной ткани⁷. Исследователь толковал «архаизацию» и в контексте «этикетности» средневекового дискурса, привязывающей этнонимы к географическому пространству⁸.

«Архаизация» получала и социо-культурную интерпретацию, которая, однако, весьма явственно тяготеет к филологическим толкованиям. К примеру, Г Хунгер полагал, что в XIV в. «архаизация» являлась уделом интеллектуалов из слоя *reaoi*, для которых она являлась объединяющими знаками корпоративного единства и корпоративной исключительности. И.И. Шевченко поддерживает эту идею, рассуждая о классическом знании (и соответственно, способности к классицистической имитации), как о престижном групповом маркере, отделявшем интеллектуалов от низших классов⁹. Обсуждение этих и других точек зрения содержится в статье М. Бартузиса, который не только привел господствующие в историографии мнения, но и выдвинул свое видение проблемы. Исследователь справедливо рассматривает «архаизацию» как часть еще более обширной проблемы отношения византийцев к своему прошлому¹⁰.

Ниже мы предложим еще одно возможное решение проблемы «архаизации», рассмотренной в частном контексте византийской этнонимической классификации. В применении к этнической терминологии проблему «архаизации» вряд ли возможно решить только средствами литературной критики и поэтологии. На проблему можно взглянуть с более общих *эпистемологических* позиций, которые позволяют достичь большей ясности в понимании того, как византийцы структурировали мир вокруг них. Другими словами, следует уяснить какими критериями тождеств и различий пользовались византийцы при построении своих этнических таксономий.

Решающее значение имела сама базовая логика византийского метода систематизации и классификации объектов, которую проще всего будет проиллюстрировать на примере элементарной аристотелевской логики. По своим принципам научный метод византийцев мало отличается от современного – оба они восходят к аристотелевской эпистемологии, которая господствовала в пространстве традиционной науки вплоть до XIX в. Ключом для понимания византийской таксономии являются две связанные пары категорий, подробно разрабатывавшихся Аристотелем и воспринятых античной и византийской наукой как фундаментальные идеи: во-первых, это – общее и единичное, во-вторых, – род и вид. Единичное воспринимается чувственно и присутствует «где-либо» и «теперь». Общее – это то, что существует в любом месте и в любое время («повсюду» и «всегда»), проявляясь при определенных условиях в единичном, через которое оно познаётся¹¹. Общее постигается умом, и именно оно является предметом науки. Частное многообразие объектов, объединяемых по общности их свойств и признаков, редуцируется к условным, «общим» родовым категориям. По определению Аристотеля, «род есть то, что сказывается в сути о многих и различных по виду [вещах]»¹². Еще более ясно формулирует Порфирий: «... род есть то, что сказывается о многих и различных по виду вещах, при указании существа этих вещей, а вместе с тем мы обозначаем вид как то, что подчинено разъясненному выше роду...»¹³.

Другими словами, родовые категории представляют собой универсальные модели и идеальные типы, которые в классификации объединяют реальные единичности («многие и различные по виду вещи»), обладающие известными общими чертами.

Согласно описательным моделям Аристотелевой топики, «то, что род не содержит, не содержит и вид. Однако не необходимо, чтобы то, что вид не содержит, не содержал род. Но так как о том, о чем сказывается род, необходимо сказывается и какой-нибудь из его видов и так как все то, что обладает родом, или обозначено [словом], производным от этого рода, необходимо обладает одним из его видов или обозначено [словом], производным от одного из его видов»¹⁴. Виды объединяются в роды лишь по части собственных свойств, и роды, таким образом, могут объединять весьма непохожие видовые единицы, имеющие, однако, некие общие существенные черты.

В идеале родовые категории призваны охватить собой не только известные «единичные» объекты, но и вновь открываемые. В этом смысле, метод византийцев идентичен современному; оба они обращены в будущее – в освоение непознанного через подобие и аналогию. Византийская таксономическая иерархия была содержательно и методологически унаследована от античности, классифицируя и систематизируя не только известные, но и новые, открываемые объекты.

Приведем несколько примеров из историографии. Зосим в V в., определяя гуннов, подводит их под классификационную (родовую) модель скифов, отчетливо при этом осознавая, что народ этот новый и не тождественный древним скифам: «некое варварское племя поднялось на скифские народы, жившие по ту сторону Истра, которое прежде не было известным и тогда неожиданно появилось – звали их гуннами, их же следует именовать либо царскими скифами, курносый и слабым народом, как о них говорил Геродот, живущим на Истре, или же теми [скифами], которые переселились из Азии в Европу...»¹⁵. Другими словами, автор отнюдь не думает, что гунны во всем тождественны скифам Геродота; в его классификации гунны – это одна из разновидностей идеального родового понятия «скифы», аналогичная некоторым видам древних скифов.

Этот метод византийских интеллектуалов, искавших ключ к объяснению современного мира через установление *подобий и аналогий* (ср. с $\sigma\eta\mu\kappa\rho\iota\varsigma$ «сопоставление», «сравнение» в риторике¹⁶), способствовал сохранению целостности и внутренней непротиворечивости византийской системы знаний и обеспечивал ее способность к распознаванию и систематизации новых объектов.

Проблема заключается в том, что византийская таксономическая сетка тождеств и различий, на основе которой и проводилось приведение новой информации к уже известным моделям, значительно отличалась от современной. Византийские схемы в части классификации народов существенно отличались от современных вследствие применения иных, нежели в современной науке, классификационных критериев. В отличие от современных этнических классификаций, византийцы практически не применяли *языковой критерий*.

Именно эта последняя особенность византийской классификационной модели, отодвигавшей языковой критерий на второй план, и делает ее столь непохожей на современную. Если современная наука выставляет главным критерием в систематизации народов их языковую принадлежность, то византийское знание классифицировало народы посредством их локативных параметров. В качестве вторичного, дополнительного критерия учитывались социо-культурные характеристики народов. В зависимости от места обитания народа (Галлия, Дунай, Северное Причерноморье, Кавказ, Анатолия, Ближний Восток, Северная Африка и т. д.) и его образа жизни (кочевой/оседлый) на него переносилась та или иная традиционная модель, а вместе с ней и маркирующий этникон.

Начнем с того, что критерий географического локуса ($\mu\alpha\tau\rho\#$, отчизна, родина) являлся базовым в персональной идентификации византийцев. Византиец ассоциировал себя и других своих соотечественников в первую очередь с местом рождения и, соответственно, с людьми, живущими там. $\mu\alpha\tau\rho\#$ может обозначать деревню, город, провинцию, историческую область (Исаврия, Фракия, Вифиния, Пафлагония, Каппадокия, Понт и т. д.), государство (например, Романия) в их географическом аспекте. Важная роль $\mu\alpha\tau\rho\#$, как одного из распространенных способов идентификации человека, удостоверяется моделями византийской антропонимики, и особенно прозвищами, которые указывают на географическое происхождение их носителей. Идентификация человека по локативному прозвищу, происходящему от места его рождения или жительства (Кесарийский, Газский, Каппадокийский, Трапезундский, Пафлагонец, Исавриец и т. д.), была довольно обычной для Византии, которая унаследовала этот способ маркировки от прежних времен. Локативное прозвище счита-

лось, по-видимому, наиболее простым и удобным способом обозначить индивидуальность человека.

Любовь византийцев к родине удостоверяется многими текстами, представляющими собой особый жанр *patria*, который служил манифестацией этой ностальгии по родине. Одной из наиболее разработанных ветвей византийского жанра *patria* была *Patria Constantinopolitana*, «Константинопольская отчизна», скрупулезно описывающая топографию Константинополя, его памятники, церкви, святые места, административные здания, дворцы, рынки и т. д.¹⁷ Хорошо известны многочисленные аналогичные описания больших и малых городов помимо Константинополя, особенно для раннего византийского периода. Мы знаем о раннем византийском описании Антиохии, Фессалоники, Тарса, Бейрута, Милета и других городов империи¹⁸. От последующих периодов до нас дошло несколько *экфрасисов*, восхвалявших многие большие и малые центры византийского мира: Антиохии, Никеи, Трапезунда, Ираклии Понтийской, Амасьи т. д.¹⁹ Любовь к родине проявляется не только в *patria* и *экфрасисах*, она обнаруживается как структурно выделенный элемент в других жанрах византийской литературы. Жанрово это могла быть история родного города или области, как, например, «Взятие Фессалоники» X в., написанная Иоанном Каминиатом. Он описал арабскую осаду и захват Фессалоники в 904 г. «Наша отчизна, мой друг, Фессалоника» ($\mu\epsilon\varsigma\ \phi\lambda\omicron\varsigma\ \pi\alpha\tau\rho\delta\omicron\varsigma\ \sigma\mu\#v\ \Theta\epsilon\sigma\sigma\alpha\lambda\omicron\nu\#k\eta\varsigma$) – начинает Иоанн Каминиата свое описание красот Фессалоники, таким образом предваряя скорбный рассказ о том, как нападение арабов разрушило эти красоты города и почти сравняло Фессалонику с землей²⁰. Значимость пространственного измерения в идентичности человека особенно ярко видна в византийской агиографии. Одним из обязательных элементов агиографического повествования было указание на точный географический локус, из которого происходит святой (как один из византийских агиографов в конце IX в. сформулировал это: «Но поскольку это является обычным при написании истории рассказать кем являлся [человек] и откуда [он происходит]...»)²¹. Обычно агиографы давали краткие хвалебные характеристики месту рождения описываемого ими святого («выдающийся», «славный» город», «блаженный остров» и т. д.), будучи особенно внимательными к тому, было ли это место колыбелью других святых людей в прошлом. Агиограф будто пытается найти основания для выдающихся достоинств святого, в частности, и в характеристиках его отчизны, влияющих на нрав обитателей.

Необходимо подчеркнуть, что био-географические особенности происхождения святыни не столько с этническими, племенными или религиозными компонентами идентификации, сколько с «культурной» и «психической». Византийские авторы, описывая свою собственную или чью-то отчизну, не уделяют никакого внимания этнической или конфессиональной принадлежности ее населения, однако в то же время часто подчеркивают «культурные» преимущества или недостатки (добродетели, воспитание, образование), связанные с той или иной местностью. Географический локус сам по себе, особенности его пространственности предопределяют качества и характер его жителей. Бессознательный и подсознательный географический детерминизм, корнящийся в античной традиции, оказался весьма функциональным в мировидении византийцев. Таким образом, отчизна была не более чем локусом, географическим местом происхождения и обычно не имела ничего общего с конфессиональной или этнической (в нашем смысле) характеристикой его жителей.

Внимание к географическому происхождению того или иного лица, по-видимому, имело связь с более общими «био-географическими» идеями древнегреческой астрономии/астрологии, физиологии и географии, которые сочетались в теории климатов. Климатическая теория была продуктом развития эллинистической астрономии и географии. В астрономии-астрологии изначально под климатом ($\kappa\lambda\#μα$ «наклон», «склонение» от греч. $\kappa\lambda\#v\omega$) понимался угол наклона полярной оси небесной сферы по отношению к горизонту, увели-

чивающийся по мере удаления от экватора. Причем именно для астрологии широтные изменения были наиболее существенны – для составления гороскопа угол склонения небесной сферы в определенной точке земли имел принципиальное значение. В географии под климатом понимался угол наклона падающих солнечных лучей к земной поверхности, от которого зависела долгота дня – на юге, соответственно, дни были короче, а на севере длиннее. Климатами обозначали зоны на земной поверхности, средняя долгота дня в которых различалась примерно на У часа, что напоминало современные временные зоны²². Позже с развитием теории климатов античная наука пришла к идее широтных зон на поверхности земли, протянувшихся с востока на запад и располагающихся с юга на север параллельно экватору. В населенной части земли выделялось 7 климатических (т. е. широтных) зон от Мероэ на юге до Борисфена (устье Днепра) на севере. Окончательное оформление идея широтных параллелей нашла у Клавдия Птолемея²³.

Соединение географической, физиологической и астрологической концепций привело к представлению о влиянии широтных различий на людские нравы. Еще Гиппократ сформулировал зависимость природных качеств людей от влияния окружающей их природной среды²⁴. Посидоний связывал интенсивность солнечного света и влияние других небесных светил с географическими характеристиками земной поверхности, а их, в свою очередь, – с нравом живущих там народов. Крайние южный и северный климаты он определял через этникины – «эфиопский» и «скифский и кельтский» соответственно. Хотя Посидоний, по всей видимости, продолжал рассматривать климат не как широтную ленту, но как регион²⁵. Вероятно, первым артикулировано формулировал этнографический аспект климатической теории Плиний Старший, постулировавший зависимость флоры, фауны и человеческих нравов от широтной локализации²⁶.

Идея связи между географическим локусом и нравами как индивидов, так и народов отчетливо прослеживается в корпусе астрологических текстов. Особенности географического происхождения, влияющие на «культурные» особенности народов, в немалой степени обусловлены небесными светилами, в первую очередь, Солнцем и Луной, которые воздействуют на различные точки на земной поверхности по-разному. Астрологические описания климатов, начиная с А. Буше-Леклерка, выделяют в особый жанр астрологической хорографии: это, как правило, краткие трактаты, содержащие соответствие различных регионов ойкумены с управляющими ими знаками зодиака и светилами²⁷. Наиболее теоретически насыщенная и стройная астро-хорографическая концепция содержится в «Тетра-библосе» Клавдия Птолемея²⁸. Именно описание народов Птолемей считает важнейшей астрологической задачей: «... предсказание посредством астрономии обнимает два самых больших и важных раздела... первый и в большей степени родовой охватывает относящееся к целым народам, странам и городам и называющийся всеобщим, а второй и по большей части видовой – это раздел, относящийся к отдельным людям, именуемый генефлиалогическим...»²⁹. (Отрывок, помимо прочего, ярко демонстрирует использование родовой-видовой систематизации в научном дискурсе.) Далее, чуть ниже Птолемей говорит: «Итак, разграничение своеобразия народов осуществляется по целым параллелям и углам, через их положение относительно проходящего через середину зодиака круга и Солнца...» и затем подробно развивает эту идею на многочисленных частных примерах³⁰. Астрономическая этнография Птолемея детально исследовалась А. Буше-Леклерком, Э. Хонигманном и Марком Рили, и мы к ней еще будем возвращаться.

Согласно общепринятым идеям, выводимым из астрологических и географических представлений, превосходство римлян и греков состоит в том, что они живут в срединной части ойкумены, находясь в наиболее благоприятном климате, который сочетает идеальный

баланс между горячей и холодной натурой. Другие народы находятся в регионах, располагающихся слишком далеко от климатического равновесия, что приводит к определенному дисбалансу в их натурах. Только римляне и греки, проживающие в срединной части цивилизованной ойкумены, обладают гармоничным национальным характером³¹.

Теория климатов была хорошо известна в поздневизантийское время. Георгий Пахимер в XIV в. повторяет традиционную античную схему, утверждая, что природные способности людей, их характер и темперамент зависят от силы солнечного света и теплоты климата. Южане, которые получают больше солнечного света, – умны, способны в области искусств и наук, но слишком изнежены и неумелы в бою; северяне же, живущие в условиях холодного климата, – бледны, недалеки, жестоки, грубы, но и более воинственны. Географическое положение, как объясняет Пахимер, прямо влияет на характер, предрасположенность и природные способности человека³². Подобные рассуждения (хоть и не столь подробные и концептуальные) встречаются и у других авторов³³.

В византийское время климатическая теория продолжала находиться в тесной связи с астрологией. Получил распространение жанр особых списков *π#λεις #π#σ#ημοι*, «знаменитых городов», представлявших собой перечисление главных городов ойкумены (преимущественно греко-римской) с указанием их координат, которые группировались по широтным климатам³⁴. В XIV в. астролог Иоанн Катрарий вполне закономерно в контексте греческой астрологии связывал судьбы народов с их локализацией. Он выделял семь широтных климатов и устанавливал зависимость их от конкретных планет и знаков зодиака. В его описании занимаемое место в климате и соответствующая зона небесной сферы влияют на судьбы городов, а, следовательно, и людей, живущих там³⁵.

Как мы видим, астро-географический детерминизм, коренящийся в античной традиции, оставался функциональным и в мировидении византийцев. Пространственные обстоятельства рождения (небесные и земные) как отдельного человека, так и сообщества людей находились в прямой зависимости от локуса.

Существенное значение локативного аспекта для формирования персональных характеров и коллективных черт людских сообществ выдвигало на первый план географическое знание. В географии византийцы вплоть до XV в. придерживались выработанной в античности карты мира, опираясь, преимущественно, на Страбона. «География» Птолемея была известна византийцам, но использовалась мало. После введения «Географии» Птолемея в научный оборот Максимом Планудом в 1295 г., ее влияние усилилось – византийские географы, корректировали Страбонову и Птолемееву системы через их сравнение и добавление новых сведений³⁶. Пространства на север от Дуная и далее на восток до края обитаемой части земли географы продолжали классифицировать как Скифию, которая на юг простиралась до реки Инд. Каспийское море по-прежнему рассматривалось заливом Океана или озером, отделенным от Океана узкой полосой земли. В Скифии у Каспийского моря упоминались земли гуннов, гирканцев, массагетов, тохаров, саков и т. д. На Ближнем Востоке они выделяли Месопотамию, Персию, Аравию, Мидию, Армению и т. д. При этом вся поверхность обитаемой части земли делилась на семь климатов³⁷. Народы, соответственно, именовались в строгом соответствии с этими географическими названиями.

В конечном счете, византийский метод приводил к парадоксальному, на современный взгляд, переносу древней терминологии на новые средневековые реалии, что современного исследователя нередко вводит в замешательство. Однако тут парадоксального мало, ибо современная научная таксономия работает принципиально так же, используя родовые и видовые категории, возникшие в разное время и часто весьма условные. И мы, например, употребляем именованья «Америка», «Австралия» и многие другие лишь в силу научной традиции, но не от того, что они адекватно отражают какие-либо специфические географи-

ческие, культурные или этнические характеристики. Отличие византийской научной классификации от современной заключается лишь в использовании разных квалификационных критериев.

Примечания

¹ Постановку вопроса с характерными примерами см.: Бибииков М.В. К изучению византийской этнонимии // ВО. М., 1982. С. 148–150.

² Dieterich K. Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde, 5.-15. Jahrhundert. Leipzig 1912 (repr. Hildesheim, New York, 1973). S. XV–XVII; Dit-ten H. Der Russland-Exkurs des Laonikos Chalkokondyles, interpretiert und mit Erläuterungen versehen. Berlin, 1968. S. 3-11.

³ Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. I–II. München, 1978. Bd. I. S. 71, 407–408 и др., и особенно S. 509; см. там же Ibid. Register (публика Archaisieren); Hunger H. On the Imitation (ΜΙΜΗΧΙΧ) of Antiquity in Byzantine Literature // DOP. 1969–1970. Vol. 23. P. 15–38.

⁴ Dieterich K. Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde. S. XX: „Konnten denn aber die Byzantiner wirklich beobachten und Beobachtetes auch wirklich darstellen? – Schon die Stellung dieser Frage schiene absurd, wenn von irgendeiner andern Menschenklasse die Rede wäre als von Byzantinern«.

⁵ Beck H.G. Theodoros Metochites: die Krise des byzantinischen Weltbildes im 14. Jahrhundert. München, 1952. S. 89–90; Lechner K. Hellenen und Barbaren im Weltbild der Byzantiner: die alten Bezeichnungen als Ausdruck eines neuen Kulturbewusstseins. Thesis (doctoral) – Ludwig-Maximilians-Universität. München, 1954. S. 75.

⁶ Бибииков М.В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 91–97; Бибииков М. В. Пути имманентного анализа византийских источников по средневековой истории СССР: (XII – первой половины XIII вв.) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978; Бибииков М. В. Византийская этнонимия: архаизация как система // Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1980. С. 70–72.

⁷ Бибииков М.В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. С. 87–88.

⁸ Бибииков М.В. К изучению византийской этнонимии. С. 154–155.

⁹ Hunger H. Klassizistische Tendenzen in der byzantinischen Literatur des 14. Jh. // Actes du XIVe Congres International des Etudes Byzantines. Vol. I. Bucureşti, 1974. P. 139–151; Sevcenco I. Society and Intellectual Life in the Fourteenth Century // Actes du XIVe Congres International des Etudes Byzantines. Vol. I. Bucureşti, 1974. P. 88–89.

¹⁰ Bartusis M. The Function of Archaizing in Byzantium // BS. 1995. T. 56/2. P. 271–278.

¹¹ См., например: Аристотель. Метафизика. I. 2, III. 4 и др.; Аристотель. Категории. III.

¹² Аристотель. Топика. I. V.

¹³ Порфирий. Введение // Аристотель. Категории / Ред. Г. Александров, перев. А.В. Кубицкого. М., 1939. III.

¹⁴ Аристотель. Топика. II. IV.

¹⁵ Zosime. Histoire nouvelle / Ed. F. Paschoud. Vols. 1–3. Paris, 1971–1989. Vol. 2/2. IV, 20, 3, (p. 280. 1–5); Dieterich K. Byzantinische Quellen... Bd. 2. S. 1.

¹⁶ Аверинцев С.С. Риторика как подход. С. 162–165. О синкрисисе подробно говорит и Г. Хунгер, приводя многочисленные примеры из византийской энкомиастики и историографии, хотя его интерпретация синкрисиса находится в пределах расплывчатой концепции мимесиса: *Hunger H. On the Imitation*. P. 23–27.

¹⁷ *Scriptores originum Constantinopolitanarum* / Ed. Th. Preger. Leipzig, 190107. Bd. 1–2; *Dagron G. Constantinople imaginaire: etudes sur le recueil des 'Patria'*. Paris, 1984; *Constantinople in the Early Eighth Century: the Parastaseis Synto-moi Chronikai*. Introduction, Translation and Commentary / Ed. A. Cameron and J. Herrin. Leiden, 1984. P. 3–9.

¹⁸ *Dagron G. Constantinople imaginaire*. P. 9–13.

¹⁹ См. главу *Ekphraseis* в: *Hunger H. Die hochsprachliche*. Bd. 1. S. 171–188; а также: ODB. Vol. 1. P. 683.

²⁰ *Ioannis Caminiatae de expugnatione Thessalonicae* / Ed. G. Böhlig. Berlin, 1973. 3 (1).

²¹ *Holy Women of Byzantium. Ten Saints' Lives in English Translation* / Ed. by *Alice-Mary Talbot*. Washington, 1996. P. 165. Об указании на происхождение святого, как обязательный элемент агиографического повествования см.: *Mertel H. Die biographische Form der griechischen Heiligenleben*. München, 1909. S. 90; *Аонапов Х. Греческие жития святых VIII–IX вв.* Петроград, 1914. С. 16 и сл.

²² *Honigmann E. Die sieben Klimata und die ΠΟΛΕΙΣ ΕΠΙΣΗΜΟΙ: eine Untersuchung zur Geschichte der Geographie und Astrologie im Altertum und Mittelalter*. Heidelberg, 1929. S. 4–7, 13–14 и далее; *Bagrow L. The Origin of Ptolemy's Geographia* // *Geografiska Annaler*. 1945. Vol. 27. P. 320–329; *Dicks D.R. The ΚΛΙΜΑΤΑ in Greek Geography* // *The Classical Quarterly*. New Series. 1955. Vol. 5. No. 3/4. P. 248–255; *Evans J. The History and Practice of Ancient Astronomy*. New York, Oxford, 1998. P. 95–97.

²³ *Honigmann E. Die sieben Klimata...* S. 58–72.

²⁴ *Oeuvres completes d'Hippocrate* / Ed. E. Littré. Vol. 2. Paris, 1840 (repr. Amsterdam, 1961). 14–20. Русский перевод: *Гиппократ. О воздухе, водах и местностях*. 21–30 (В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. Т. 19. № 2); *Müller K.E. Geschichte der Antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung. Von den Anfängen bis auf die byzantinischen Historiographen*. Bd. 1–2. Wiesbaden, 1972–1980. S. 137 f.; *Backhaus W. Der Hellenen-Barbaren-Gegensatz und die Hippokratische Schrift Περὶ ἀσπυῶν ὑσάτων Τόνου* // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1976. Vol. 25/2. S. 170–185 (особенно, S. 183); *Dagron G. «Ceux d'en face»*. P. 209–210;

²⁵ *Страбон. География* / Пер. с др. – греч. Г.А. Стратановский, ред. О.О. Крюгер, общ. ред. С.Л. Утченко. М., 1964. 2.11.1–3 (95–96), 2.11.1; *Honigmann E. Die sieben Klimata*. S. 24–30; *Dihle A. Die Griechen und die Fremden*. München, 1994. S. 90–93.

²⁶ *C. Plini Secundi Naturalis historiae libri XXXVII* // Ed. Karl Mayhoff. Bd. 1–6. Stuttgart, 1967–1970. II. 5–6, VII. 41, особенно, II. 80: *Contexenda sunt his cae-lestibus nexa causis. Namque et Aethiopas vicini sideris vapore torreret adustisque similes gigni, barba et capillo vibrato*. etc.; *Honigmann E. Die sieben Klimata*. S. 33–40; *Trüdinger K. Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie*. Basel, 1918. S. 37–38, 51ff.; *Müller K.E. Geschichte der Antiken Ethnographie*. Bd. 1. S. 141–142. Cp.: *Halsall G. Funny Foreigners*. P. 91ff.

²⁷ *Bouché-Leclercq A. Chorographie astrologique* // *Melanges Graux*. Paris, 1884. P. 341–351; *Bouché-Leclercq A. L'astrologie grecque*. Paris, 1899. P. 327.

²⁸ *Bouché-Leclercq A. L'astrologie grecque*. P. 338–355; *Honigmann E. Die sieben Klimata*. S. 41–50; *Riley M. Science and Tradition in the «Tetrabiblos»* // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1988. Vol. 132/1. P. 67–84.

²⁹ *Claudii Ptolemaei Opera quae exstant omnia* / Ed. E. Boer and F. Boll, secundis curis edidit Wolfgang Hübner. T. 3/1. Stuttgart, 1998. II. 1.2: dg 8üo tolvuv та реушта ка! кирштата перр| Siaipoupevou той Si' äuTrovoplag проуvwwffTiKoü, ка! ярштои реv övrag ка! уткштерои той ka0' бХа £0vq ка! ушрад q яoXвд lapßavopsvou, ö KaXstrai ka0o'Xжбу Ssmxrou 8ë ка! siSiKWTspou той ka0' sva гкасттот Tüv äv0pwnwv, önsр KaAsiTai ysvs0XialVoyiK6v.

³⁰ *Ptolem. Opera*. II. 2. 1.

³¹ *Riley M.* Science and Tradition in the «Tetrabiblos»... P. 76; *Dauge Y.A.* Le barbare: recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilisation. Bruxelles, 1981. P. 806–810.

³² *Pachym.* T. I. III, 3 (p. 236/237 и, особенно, p. 237. 3–7). Подобные примеры из военных трактатов предыдущих эпох см.: *Dagron G.* «Ceux d'en face». P. 211–215. Об обсуждаемых рассуждениях Пахимера см. также: *Успенский Ф.И.* Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // ВВ. 1926. Т. 24. С. 1–8; *Laiou A.E.* The Black Sea of Pachymeres // The Making of Byzantine History. Studies dedicated to D.M. Nicol. London, 1993. P. 109–111.

³³ См., например: *Eustathius Thessalonicensis.* Commentarium in Dionysii periegetae orbis descriptionem // *Geographi Graeci Minores* / Ed. K. Müller. T. 2. Paris, 1861. P. 258, 265, 339.

³⁴ *Honigmann E.* Die sieben Klimata... S. 82–92.

³⁵ *Anonymi christiani Hermippus de astrologia dialogus* / Ed. W. Kroll et P. Viereck. Leipzig, 1895. 2. 12–14 (p. 51–58), особенно: 56–58; *Bouché-Leclercq A.* L'astrologie grecque... P. 322–323, 346–347; *Honigmann E.* Die sieben Klimata. S. 100–101; *Бородин О.Р., Гукова С.Н.* История географической мысли в Византии. СПб., 2000. С. 126.

³⁶ *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur. Bd. 1. S. 509–514; *Бородин О.Р., Гукова С.Н.* История географической мысли в Византии. С. 126–132 и далее; *The History of Cartography* / Ed. J.B. Harley and D. Woodward. Vol. 1. Chicago & London, 1987. P. 268; *Laiou A.E.* The Black Sea of Pachymeres. P. 95.

³⁷ *Nicephorus Blemmydes.* Conspectus geographiae // *Geographi Graeci Minores* / Ed. K. Müller. T. 2. Paris, 1861. P. 463–467; *Nicephorus Blemmydes.* #Ετ#ρα #στορ#α περ# τ#ς γ#ς // *Geographi Graeci Minores* / Ed. K. Müller. T. 2. Paris, 1861. P. 469–470; *The History of Cartography*. Vol. 1. P. 266–267.

Шукуров Р.М.

I.IV. Этнолингвистические критерии в описании Ирана в «Хронографии» Иоанна Малалы

В данной работе будет предпринята попытка проследить, каким критериям следует Иоанн Малала¹ при описании Ирана и населения этой «беспредельной и безмерной земли, на столь большое расстояние отдаленной от Рима» (XI.6), как соотносятся между собой топонимы «Персида», «Персидская земля» и этнонимы «персы», «парфяне», «мидяне», «скифы».

Следующий шаг – определить, насколько терминология, в которой отразились этно-географические представления антиохийского хрониста VI в., является продуктом «архаизации» в ее литературоведческом и стилистическом понимании.

Происхождение Иоанна Малалы, выходца из Антиохии, его риторическое образование и положение чиновника средней руки² позволяют смотреть на него как на носителя определенной системы мировоззрения с присущими ей стереотипами, которые разделялись многими его современниками, людьми образованными, но далекими от перипетий высокой политики (на этом фоне Прокопий Кесарийский, к примеру, с его талантом и близостью к военной элите представляется скорее блестящим исключением, чем правилом).

Особенности «Хронографии» как единственного³ дошедшего до нас произведения жанра «занимательной истории» (близкий к разговорному язык⁴ и, следовательно, ориентация на широкий круг читателей; легкость пера и стремление создать увлекательное повествование в ущерб фактографической точности) свидетельствуют о том, что Иоанн Малала и стремился работать в рамках данной системы представлений. Ориентируясь на вкус и запросы общества, он обращается к тому материалу, который мог бы быть интересен простому читателю, и организует его (оставим в стороне вопрос о целях и задачах, которые он себе ставил) таким образом, как то представлялось бы логичным ему и его читателям. Все это делает «Хронографию» интересным источником для реконструкции представлений византийцев VI в. об Иране.

Раз речь идет о «воображаемом Иране», целесообразно оставить на время в стороне проблему корректности передачи информации первоисточников⁵, зачастую неразрешимую из-за того, что произведения авторов, на которых ссылается хронист, до нас не дошли.

Предлагается воспринимать «Хронографию» как единое полотно, созданное Иоанном Малалой на основе доступных ему сведений, полученных от современников и почерпнутых из книг, и как историческую данность, без вопроса о реальном и конкретном содержании понятий, топонимов и этнонимов.

Отправной точкой для рассуждений об архаизации как о средстве и инструменте познания, описания и классификации новых явлений через уже известные понятия послужила статья Р.М. Шукурова «Земли и племена»⁶. Для реконструкции византийской классификации турок автор обращается к принципам византийской эпистемологии, восходящей во многом к аристотелевской логике. Прежде всего, идет речь о понятиях рода и вида и об использовании понятия рода как идеальной категории для описания новых конкретных феноменов (видов). Кроме того, подчеркивается, что в отличие от современной науки, в классификационной модели византийцев превалировал не языковой, а локативный критерий.

Как работает этот метод, мы попробуем проследить на материале Иоанна Малалы. Проанализировав соотношение понятий «Персида» и «персы», можно попробовать реконструировать механизм введения новых понятий, им используемый для описания событий в соседней стране с мифологических времен до правления Юстиниана.

В обзорных статьях и работах по анализу методов совмещения христианской и античной исторических традиций⁷, в исследованиях славянского перевода хроники Иоанна Малалы, основа которых была заложена В.М. Истриным⁸, в том исследовании⁹, сопутствовавшем английскому переводу хроники, и в недавних работах французских исследователей¹⁰ проблематика реконструкции представлений Иоанна Малалы об Иране подробно не анализировалась¹¹.

География

Понятие «Персида» появляется в «Хронографии» раньше, чем этноним «персы». При разделе земель между потомками сыновей Ноя (I.6) Персида достается роду Сима вместе с Сирией и Мидией. Речь идет о территории «от Персиды и Бактр вплоть до Индии».

Здесь мы встречаем единственное в «Хронографии» упоминание Бактрии (или города Бактры). Раз речь зашла о северо-востоке и севере Ирана, отметим, что топоним «Парфия» вообще не используется, Малала говорит только о парфянах.

«Индийские пределы» будут упомянуты неоднократно и впоследствии, как дальние области, где царь персов спасается бегством в случае военных неудач (Кир хотел бежать в индийские земли от Креза VI.7; в индийские пределы бежит Нарсе от Максимиана XII.39). Таким образом, восточной границей Персидской земли оказывается Индия. Далее (XVIII.15) Малала называет индами жителей Аксума и Химьяра, но это уже тема отдельного исследования.

На западе же естественной границей оказывается Междуречье. Евфрат вместе с Персидой достается Симу (I.6). Тигр разделяет Мидию и Вавилонию, и от него, согласно Малале, простирается область от Мидии на север до Британских островов, что досталась роду Яфета. Топоним «Мидия» встречается только три раза. Чаще употребляется этноним «мидийцы» (II.11, VI.14, VII.18–19, VIII.1, VIII.3).

Далее (I.8) вновь Персида упомянута вместе с Сирией и «остальной восточной землей» как территория правления рода Сима. Первым, кто стал царствовать, то есть командовать и повелевать другими людьми, был Крон, из рода Сима. «Царствовал он в Ассирии много лет и подчинил все Персидскую землю, начиная с Ассирии».

Следовательно, Ассирия воспринималась как часть Персидской земли и как родина институтов власти на Востоке. В следующем эпизоде мы находим тому подтверждение.

Пик Зевс, процарствовав в Ассирии тридцать лет, сделал царем Ассирии своего сына Бэла. Бэл правил над Ассирией два года и умер, и персы его обожествили. (I.10) Ассирией после Бэла стал править Нин, другой сын Крона, который взял в жены свою мать. И с тех пор в обычае у персов жениться на своих матерях и сестрах... Нин же, воцарившись над Ассирией, строит Ниневию, город ассирийцев, и правит в нем первым. Семирамида же Рея, мать его, была ему женой, еще раз подчеркивает Малала чуть ниже (I.11).

Стоит обратить внимание, что в терминологии хрониста Крон, Бэл и Нин правили именно Ассирией, только единожды Малала говорит о Бэле, что тот правил ассирийцам. В дальнейшем же повествовании правители носят титул «царь персов/ассирийцев/ромеев», то есть именуются василевс определенного народа, а не страны (аналогичная формула встречается у Прокопия (Bel. Pers. I.2), у Агафия (II.18), у Феофилакта Симокатты (III.16)). Топоним «Ассирия» уступает место понятию ассирийцы (I.12, VI.1, 3, 4, 13, VII.18–19).

Следующий интересный момент – связка «ассирийцы, персы, мидяне и парфяне», которые неоднократно упоминаются вместе при описании времен Александра Македонского.

«И победив Дария, царя персов, сына Ассаламы, захватил Александр его и все царство его и все земли ассирийцев, мидян, парфян, вавилонян и персов, и все царства земли, как

написал премудрый Боттий; и города, и области, и всю землю римлян, эллинов и египтян освободил от рабства и повиновения ассирийцам и персам, парфянам и мидянам, отдав римлянам все, что они потеряли» (VIII.1).

Земли этих народов оказываются объединенным понятием и в предшествующем сюжете: «Ассирийцы же и царь их Ох возгордились; и восстала вся земля, и была передана власть в руки ассирийцев, персов, мидян и парфян» (VII.17). Еще раз находит подтверждение тезис о связи и родстве этих народов в глазах Малалы. Иначе представлялось бы странным, что восстание против ассирийцев заканчивается тем, что они остаются у власти (пусть вместе с другими народами). Обратный пример можно найти у Агафий, согласно которому в царствование Сарданапала, когда царство ослабело, мидянин Арбах и вавилонянин Велизис отняли власть у ассирийцев и передали ее мидянам (II.25).

Кроме того, ранее Малала называет Оха «царем персов» и сообщает, что тот вззошел на трон после своего отца Артаксеркса, «царя персов». (VII.17)

Следующее сообщение, казалось бы, добавляет путаницы в этнографическую картину «У вавилонян же после Оха пришел к власти Дарий, мидянин, сын Ассалама, и подчинил себе всех» (VII.18).

Народы

Самым простым решением было бы предположить, что речь идет о синонимах «вавилоняне – ассирийцы», «мидяне – персы», «ассирийцы – персы».

Аргументом против является уже само последовательное перечисление всех четырех (а в отдельном случае пяти) народов: «ассирийцев, мидян, парфян, вавилонян и персов» (VIII.1). Если речь идет об одном и том же, в чем смысл удлинять повествование? Значит, у Иоанна Малалы были мотивы сближать эти понятия и выстраивать определенную систему.

Во-первых, правомерно предположить, что важным моментом был вопрос культурной преемственности. Малала возводит тип брака, распространенный среди зороастрийцев, к царю Ассирии и упоминает о Семирамиде. Эту деталь отмечали и его современники (Proc. Bel. Pers. I.XI.5, Agath. II.24).

Нимруд (из рода Сима, как и Крон, Бэл и Нин) основал Вавилон и «персы говорят, что он был обожествлен и стал звездой на небе, что называют Орион». Он был предводителем среди персов (I.7). Учитывая значение, которое Малала придает строительству городов и упорядочиванию пространства как важнейшей функции правителя, связка «ассирийцы – вавилоняне – персы» представляется вполне логичной.

После Нина, согласно Малале (I.12), воцарился над ассирийцами Фурас, которого отец его, Замес, брат Реи, переименовал по названию звезды Арес. Именно Аресу ассирийцы поставили первую статую, и почитали его как бога, и по сей день его называют по-персидски Ваал бог, что переводится как Арес, воинствующий бог. «По-персидски» в данном случае означает скорее «по-ассирийски» или «по-сирийски», так как Ваал – слово семитского корня.

Агафий (II.24) также уподобляет богов персов античным божествам, отмечая, что до Зороастра они почитали Юпитера и Сатурна и всех остальных богов эллинов, называя, однако, Зевса Белом, Афродиту Анаитидой.

Интерес к Зороастру проявляет и Малала. «Из этого же рода родился Зороастрий, знаменитый астроном персов. Перед смертью он молился, чтобы погибнуть от небесного огня, и говорил персам: «Если сожжет огонь меня, мои сожженные кости поднимите и храните, и тогда царство не уйдет из вашей земли все то время, пока вы будете хранить мои кости». И восславил он затем Ориона и был уничтожен небесным огнем. И сделали так персы, как сказал он им, и хранят они испепеленные останки его и поныне» (I.11).

Во-вторых, важным инструментом наведения порядка в истории народов были генеалогические связи. Персей, сын Пика Зевса, оказывается племянником царя Ассирии Нина. «Став взрослым, Персей страстно возжелал (заполучить) Ассирийское царство, завидуя потомкам своего дяди Нина» (П.11).

И если согласно Агафию (П.25) царство ассирийцев переходит к мидянам, и только через триста лет царством овладели персы, у Малалы на смену ассирийцам приходят персы. «После Ламеса стал царем над ассирийцами Сарданапал великий. Его убил Персей, сын Данаи, и забрал царство у ассирийцев, и стал царствовать над ними, назвав их по своему имени персами (I.12). Следовательно, ассирийцы – это те же персы, только названные по-другому.

Во втором сообщении вновь подчеркивается значение акта переименования. «Оттуда отправился через гору Аргай против ассирийцев. И победил их, и убил царя их Сарданапала, из рода которого он сам происходил. И царствовал над ними 53 года, и по имени своему назвал он их персами, отняв у ассирийцев и царство, и имя» (П.11).

Георгий Монах, чье изложение данного сюжета очень близко рассказу Иоанна Малалы, резюмирует: «Итак, первое царство ассирийское или вавилонское, второе же – царство персов, которых омонимично называют вавилоняне или ассирийцы» (I. 00131-00132).

Примечателен термин, выбранный хронистом IX века – «омонимично». Если обратиться к определению Аристотеля, которое открывает «Категории», увидим, что «одноименными называются предметы, у которых лишь имя общее, а речь (понятие) о сущности разная» (Cat. I.1), в отличие от синонимов, которые передают одно понятие. Это еще один аргумент в пользу того, что «персы», «ассирийцы», «вавилоняне» не были для византийцев равнозначными этнонимами.

Данный эпизод «Хронографии» показывает, что переименование имело политическое значение. У независимого народа должно быть свое имя, имя же подчиненного народа подводится под общую категорию рода – название народа-победителя.

Другим актом утверждения политического влияния могло считаться распространение своего имени на новой территории. «Найдя деревню, называемую Амандра, он сделал ее городом, и поставил себе статую за пределами города, с изображением Горгоны. Совершив обряд, он назвал тюхе города Персиды своим именем. Эта статуя стоит до сих пор. И назвал он этот город Эйконион, так как там он одержал первую победу с Горгоной» (ни).

Тоже делает Александр Македонский. «Тогда была освобождена персидская земля, и пришел конец царства персидского, стали македоняне и Александр со своими соратниками угнетать земли халдеев, мидян, персов и парфян; и победив Дария и убив его, вторглись они в царство его. И установил законы Александр в этих землях и стал царствовать над ними; и воздвигли ему персы медную конную статую в Вавилоне, которая стоит и по сей день» (VIII.3). Если учитывать, что во времена Малалы Вавилон уже лежал в руинах, видимо, снова следует искать цепочку преемственности Вавилон-Селевкия-Ктесифон и «ассирийцы – персы».

Помимо воздвижения статуи¹², Персей «посадил дерево, называемое персея, не только там, но и в землях египтян посадил он персеи в память о себе» (П. 11). Подобный случай народной этимологии зафиксирован и у писателей «Истории августов». Персиковое дерево рассматривается как своего рода символ страны, и потому толкователи предрекали Александру Северу победу над персами, исходя из того, что лавр у дома, где он родился, стал выше персикового дерева (SHA. XVIII. 13.7).

Персей переименовал и землю мидян (П.11), научив персов обрядам с чашей (σκ#φος) Медузы, которым он в юности научился от отца Зевса (П.11). Следовательно, критерий, по которому Иоанн Малала отделяет мидийцев от персов, находится в области культуры и религии.

Мидийцы и ассирийцы остаются таковыми, то есть мидийцами и ассирийцами. Но, оказавшись под властью персов, они подпадают под категорию «подданные персидских царей», и следовательно, на них может быть экстраполирован этноним «персы».

Другое тому свидетельство – история появления в персидской земле парфян. «И затем, в последующие времена, правил над египтянами Сострис, старший из рода Хама. Во всеоружии пошел он войной на ассирийцев, и подчинил он их, а также и халдеев, и персов вплоть до Вавилона. Точно также подчинил он и Азию, и всю Европу, и Скифию и Мисию. И возвращаясь в Египет, из земли скифской отобрал он из молодых воинов пятнадцать тысяч, и сделав их переселенцами, повелел, чтобы они поселились в Персиде, дав им там землю, какую они выбрали. И остались в Персиде эти скифы с того времени и по сей день. Персами они были названы «парфы», что переводится на персидское наречие как «скифы». И вплоть до сегодняшнего дня у них скифская одежда, наречие и обычаи. И очень воинственны они в войнах, как то описал премудрый Геродот» (II.3).

Даже будучи завоеваны египетским правителем, скифы остаются в сфере влияния персов, которые и дают им имя. Объяснима также и аналогия «парфы» – «скифы». И те, и другие приходят с севера (по отношению и к греко-римской ойкумене, и к персидским землям). И те, и другие – кочевники. И те, и другие знамениты мастерской стрельбой из лука (Ср. Proc. Bel. Pers. I. 12–15). Соответственно, когда на историческом горизонте появляются парфяне, оказывается логичным объяснить, кто они, используя понятие «скифы».

Дочерью царя Скифии оказывается и царица Медея, уехавшая с Ясоном и аргонавтами (IV.9), возможно, из-за созвучия ее имени и прозвания мидийцев. Или же Малала, подобно Агафию, допускал, что колхи когда-то были колонией египтян. Агафий пишет, что Сезострис, с многочисленным войском, покорил всю Азию и дошел до Колхиды, оставив там часть своих войск (II.18).

Указание (II.3), что парфяне поселились в Персиде, подразумевает, что «парфяне» оказываются персами в значении жителями Персиды (или шире, Персидской земли). А если превалирует географическая коннотация этнонима «персы», то снимается противоречивость определения «царь персов из рода парфян». Именно так Малала определяет Меердота (XI.3), который во времена Траяна стал разграблять римские земли. В рассказе о восточной кампании этого императора Малала именует Меердота (как и его сына Санатрукия) «царем персов».

О главенстве географического аспекта в этнонимах может свидетельствовать и утверждение, что Ноев ковчег остановил в Армении, «между парфянами, армянами и адиабенцами» (I.4). Раз топонимы используются для локализации, значит, подразумевается, что за определенным народом «закреплена» определенная территория.

Исходя из этой логики, объяснимо, почему Малала, к примеру, называет испанцев италийцами (XVIII.14), ведь до того (I.10) он ставит знак равенства между Италией и Западом.

Язык

В описании похода Траяна упоминается также, что «арсак» соответствует титулу «царь» (XI.3). До того (VIII.25) Малала упоминает о Арсаке-парфянине, что восстал против Антиоха Эвергета. Повествуя о походе Юлиана, Малала включает этот титул в имя персидского царя Шапура (XIII.17, 21–22). При том, что данное наблюдение антиохийского хрониста соответствует действительности, вряд ли можно утверждать, что он в какой-то степени знал язык соседней державы.

Выше перечисленные примеры (отсылки к персидскому языку: I.12, II.3, XI.31), а также упоминание о языке персов в связи с учением манихеев (XII.42), можно рассматривать как маркер осознания границы «свой-чужой», который в то же время свидетельствует

о том, что для Малалы персы выделялись из общей массы варваров (раз он идентифицирует этот язык).

В целом, конечно, для антиохийского хрониста, как и для других ромеев, персы являлись частью варварского (то есть неримского) мира, но на 430 страницах «Хронографии» Малала называет их варварами только один раз (XVIII.61), в отличие, к примеру, от эмоционального повествования Прокопия.

Как варваров Малала характеризует кочевых арабов-сарацин (XII.26, 27, 30). Оденат назван царем сарацин-варваров, а Зенобия – царицей (βασιλίσσα) варваров-сарацин. Рим на какое-то время оказывается во власти «Одоакра, царя (βασιλεως) варваров» (XV.9-10). На Западе против варваров воюет Константин (XIII.2). Варварами он называет гуннов (XVIII.13–14).

Такое противопоставление¹³ заставляет предположить, что концепт «варварства» связан для Малалы, во-первых, с образом жизни, и во-вторых, с отсутствием привязки к определенной территории¹⁴. Внимание же к языку, на котором они говорят, минимально.

В описании же персов с самого начала появляются понятия «город», «власть», определенная территория.

* * *

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что Иоанн Малала, выводя новые народы на историческую сцену своего повествования, прежде всего, крупными штрихами вписывал их в современную ему систему этногеографических представлений. Так, чтобы описать гору Арарат и Ноев потоп нужны понятия «Армения», «парфяне» и «адиабенцы».

Другим способом установки связей является генеалогический принцип.

С появлением понятия «царства» географическая локализация уступает место этнониму, и устанавливается привязка «народ – территория».

Принципиально важной оказывается роль этнонимов и процесса имянаречения. Утрата политической независимости ведет к тому, что и в терминологии имя конкретного народа оказывается подчиненным, и в классификации превалирует этноним победителя. Малала передает это рассказом о переименовании народов Персеем.

Другим фундаментальным критерием были различия в области культуры и религии (случай персы – мидийцы). Языковой критерий оказывается отнюдь не решающим.

Этнонимы «ассирийцы», «вавилоняне», «мидийцы», «скифы», «парфяне» оказываются частным, исторически обоснованным случаем, видом по отношению к более общему, родовому понятию «персы», под которыми подразумеваются обитатели Персидской державы и подданные персидского царя.

Примечания

¹ Ioannis Malalae Chronographia, rec. Ioannes Thum. // Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. 35. Ser. Berolinensis. Berolini, 2000. Все последующие ссылки на «Хронографию» даются по этому изданию в тексте главы.

² Croke B. Malalas, the man and his work. // Studies in John Malalas, ed. by E. Jeffreys with B. Croke and R. Scott. Sidney, 1990. P. 1–26.

³ Jeffreys E. The beginning of Byzantine chronography: John Malalas. // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Ed. by G. Marasco. Brill-LeidenBoston, 2003. P. 497–527.

⁴ James A. The language of Malalas. // Studies in John Malalas, ed. by E. Jeffreys with B. Croke and R. Scott. Sidney, 1990. P. 217–244.

⁵ *Jeffreys E.* Malalas' sources. // *Studies in John Malalas*, ed. by E. Jeffreys with B. Croke and R. Scott. Sidney, 1990. P. 167–216.

⁶ *Шукуров Р.М.* Земли и племена: византийская классификация тюрок // *Византийский Временник*. 2010. Т. 69 (94). С. 132–163.

⁷ *Удальцова З.В.* Мировоззрение византийского хрониста Иоанна Малалы. // *Византийский Временник*. 1971. Т. 32. С. 3–23; *Чекалова А.А.* Иоанн Малала. Хронография. Книга XVIII. Вместо предисловия // *Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история*. СПб., Алетейя, 1998. С. 465–466; *Любарский Я.Н.* «Хронография» Иоанна Малалы (проблемы композиции) // *Историки и писатели Византии (VI–XII)*. СПб., 1999. С. 7–20; *Самуткина Л.А.* Концепция истории в «Хронографии» Иоанна Малалы. Иваново, Иван. ГУ 2001.

⁸ *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе (1897/1914). Репринтное издание М., 1994.

⁹ *Studies in John Malalas*, ed. by E. Jeffreys with B. Crake and R. Scott. Sidney, 1990.

¹⁰ *Recherches sur la chronique de Jean Malalas: actes du colloque 'La Chronique de Jean Malalas (VI s. e. chr.): genese et transmission' organise les 21 et 22 mars 2003 a Aix-en-Provence*. Ed. par J. Beaucamp avec la collaboration de A. Bernardi, B. Cabouret et E. Caire. P., 2004; *Recherches sur la chronique de Jean Malalas*: ed. par S. Agusta-Boularot, J. Beaucamp, A. Bernardi, et E. Caire. P., 2006.

¹¹ Об интересе к манихейству см.: *Croke B.* Malalas, the man and his work. // *Studies in John Malalas*, ed. by E. Jeffreys with B. Croke and R. Scott. Sidney, 1990. P. 13–14; о восточных элементах в мировоззрении Малалы см.: *Jeffreys E.* Malalas' world view // *Studies in John Malalas*, ed. by E. Jeffreys with B. Croke and R. Scott. Sidney, 1990. P. 65–66; о месте Малалы в византийской историографической традиции об императоре Юлиане см.: *Bouffartigue J.* Malalas et l'histoire de l'empereur Julien // *Recherches sur la chronique de Jean Malalas*. V. II. P., 2006. P. 137–152.

¹² Список статуй, упомянутых Иоанном Малалой, см. в работе: *Saliou C.* Statues d'Antioche de Syrie dans la Chronographie de Malalas // *Recherches sur la chronique de Jean Malalas*: ed. par S. Agusta-Boularot, J. Beaucamp, A. Bernardi, et E. Caire. P., 2006. P. 69–95.

¹³ *Чекалова А.А.* Византия и Запад // *Византия между Востоком и Западом. Опыт исторической характеристики*. СПб., 2001. С. 81–104.

¹⁴ О внимании Иоанна Малалы к организации пространства как одной из важнейших функций правителя см.: *Самуткина Л.А.* Город в «Хронографии» Иоанна Малалы // *Личность – Идея – Текст: К культуре Средневековья и Возрождения: Сб. науч. тр. в честь 65-летия Н.В. Ревякиной*. Иваново, 2001. С. 33–47; *Metivier S.* La creation des provinces romaines dans la Chronique de Malalas // *Recherches sur la chronique de Jean Malalas*: ed. par S. Agusta-Boularot, J. Beaucamp, A. Bernardi, et E. Caire. P., 2006. P. 155–172; *Cabouret B.* La fondation de cites du IIe au IV siecle (des Antonins a Theodose) d'apres la Chronique de Malalas // *Recherches sur la chronique de Jean Malalas*: ed. par S. Agusta-Boularot, J. Beaucamp, A. Bernardi, et E. Caire. P., 2006. P. 173–185.

Громова А.В.

II. Формы этнонациональной самоидентификации: историческая рефлексия, и правовая мысль, культурные феномены

II.I. «Франция родина правосудия». Институционализация патриотизма²

Национальный вопрос относится к числу самых сложных, тонких и болезненных аспектов человеческого сознания. Степень жгучести вопроса оставалась неизменной веками, менялась лишь интерпретация самого понятия «нации». В Средние века, когда собственно закладывались основы современных наций, безраздельно господствовало представление об общем происхождении и кровном родстве тех, кто составляет «нацию», синонимичную в такой интерпретации «роду»¹. Этнический компонент долгое время считался ядром нации, и в известной мере он остается основополагающим признаком национальной идентичности. Подобное единство предполагало наличие неких общих черт у людей одной крови – во внешнем облике, в обычаях и нравах. Модные в наши дни «реквиемы по этносу» и теории «воображаемых сообществ» красноречиво свидетельствуют о пропасти, отделяющей нас от таких простых и прямолинейных интерпретаций. И всё же некоторая общность – во взглядах, в образе жизни и мышления, в способах самоидентификации – характеризует все народы.

Каждая современная «нация» проделала свой уникальный путь в истории. Хотя процесс складывания «наций» был общим для Европы в период формирования «национальных монархий», но национальное самосознание, при этом, не было универсальным, в каждой стране оно имело свои особенности. Поиск слагаемых элементов для каждого типа национального самосознания в разные эпохи остается актуальным научным вопросом по сей день.

Французский вариант становления национального единства афористично охарактеризовал Б. Гёне: «государство создает нацию». Тем самым он подчеркивал первостепенную роль политического фактора в формировании французской нации, конкретно – главенствующую роль Французского королевства и персоны монарха как общепринятых коллективных ценностей². В этом смысле французов следует отнести к типу «политических наций», где государство играло роль объединяющего фактора, создающего общие ценности и культивирующего чувство общности, скрепленное культурными кодами как опорой национального самосознания³.

Динамику этому процессу придавало «встречное движение»: не только государство было кровно заинтересовано в формировании у подданных осознания, что они единая «нация», как в прочной опоре процесса централизации, но и люди обратили свои чувства на государство как на объединяющую ценность. Как образно заметил Дж. Стрейер, «государство существует только в сердцах и в головах граждан, и если они не верят в его существование, никакая сила или логика не вдохнет в него жизнь»⁴. Убедив французов, что они составляют «естественную общность», государство во Франции обрело в этом фак-

² Работа выполнена в рамках гранта «Этноконфессиональные процессы и этногенетические мифы в конституировании политических идентичностей в Западной Европе Средних веков и раннего Нового времени» (Программа ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории»); при содействии Дома гуманитарных наук (Fondation Maison des sciences de l'Homme), Франция.

торе политическую устойчивость и получило новый импульс развития. Этого нельзя было добиться никаким «легальным насилием», даже духовным, включая умелую и красочную пропаганду. Люди сами должны были захотеть жить вместе, добровольно принять «условия игры». Следовательно, за успехами централизации и консолидации, за ддящимися во времени монархическими институтами проглядывает осознанный выбор людей в пользу этого процесса. Так во Франции происходит соединение «нации» и «государства», этнического и политического компонентов, а на авансцену выходит новое явление – чувство национальной гордости, сублимирующее общественный договор.

Как и повсюду в Европе, во Франции в период классического Средневековья господствуют идеологемы «богоизбранности» французского народа, «Франции как земли обетованной» и т. д. Но, – и в этом ее отличие от других стран, – объектом национальной гордости становится не только персона короля, окруженного ореолом превосходства над другими монархами, но и возникающие монархические институты, которые начинают играть «первую скрипку» в пропаганде национальной исключительности. А на стратегии утверждения французской национальной идентичности определяющее влияние стали оказывать служители короны, прежде всего юристы, со своими специфическими представлениями об общем благе и ценностными ориентирами.

В этом русле мне бы хотелось привлечь внимание к аспекту, слабо изученному именно в контексте формирования национального самосознания, – к теме правосудия/справедливости (отмечу сразу же неустрашимую синонимичность этих слов во французском языке и больше не буду на этом останавливаться) как стратегии самоидентификации французской «нации». В заглавие статьи вынесен парафраз (кстати, без знака вопроса, как констатация «очевидного») из произведения юриста и парламентария XVI в. Бернара де Ла Рош-Флавена, написавшего «Тринадцать книг о Парламентах Франции. В них на разные лады превозносятся правосудие во Франции, а в «книге», посвященной прерогативам короля, сказано следующее:

«Правосудие явилось на свет одновременно с Францией, и обладает правом наследования во французской земле, как существуют страны, наделенные редкостями, не водящимися в иных местах. Индия одна имеет деревья, дающие благовония. Лишь персидские неводы приносят превосходные жемчуга. Только Аквилон дает янтарь. Точно также в одной лишь Франции отправляются истинные функции Правосудия, особенно в Парламентах»⁵.

Это рассуждение Ла Рош-Флавена получило большую известность в историографии благодаря классической книге Эрнста Канторовича «Два тела короля», где оно фигурирует как доказательство оформления концепции «неумирающего тела» государства через стабильные монархические судебные институты⁶. Однако подобное утверждение не является «изобретением» юриста эпохи раннего Нового времени, но уходит корнями в Средневековье, когда закладывались основы национальной идентичности французов (Замечу попутно, что не считаю неизменными такие идеологемы; они по-разному функционировали в разные периоды и получали различную интерпретацию.) Среди знаков избранничества французов существенное место начинает отводиться правосудию/справедливости как доказательству превосходства Французского королевства над всеми прочими. Чувство национальной гордости, патриотизм как стратегия идентификации «нации» отныне концентрируется не только на своих героях и святых, не только на истории военных побед, но и на превосходстве институтов правосудия во Франции.

Когда же возникает эта тема? Важный вопрос, помогающий понять истоки этой идеологемы. Хотя слово «патриотизм» появляется только в XVIII в., но в Средние века уже существовало идущее от Античности понятие «родины» (*patria* – *pro patria mori*, по Цицерону и Горацию)⁷. При этом, обратим внимание, именно юристы – из Орлеанской школы граждан-

ского права – первыми начинают говорить о Французском королевстве как о единой стране (pays) и «общей родине». Не менее значимо и то, что происходит это в правление и под ореолом Людовика IX Святого. Около 1270 г. Жак де Ревиньи, адаптируя Дигесты, пишет о *communis patria*. Чуть позднее, в 1274 г., монах из Сен-Дени (Примат) впервые говорит о Франции как «нации», соединив нераздельно политический и этнический компоненты. Примерно с 1300 г. можно констатировать утверждение в политическом лексиконе понятия «нации», сам же термин «*natione gallicus*» появляется в 1318 г., а французы начинают верить, что представляют собой единую нацию⁸. В этом плане абсолютно прав Б. Гёне, заявляя, что вовсе не в период Столетней войны возникает (хотя тогда оно существенно укрепляется), а именно во второй половине XIII в. зарождается во Франции национальное самосознание и элементы патриотизма⁹.

Таким образом, именно правление Людовика IX Святого, с моей точки зрения, становится поворотным в процессе складывания национального самосознания и составляющих его элементов. Чем же оно было знаменательно? Святость короля, основанная вначале преимущественно на его верности крестоносной идее и личном смирении, под пером апологетов и идеологов монархии во главе с Жуанвилем трансформируется в его исключительную заботу об отправлении истинного правосудия и об «очищении нравов» чиновного корпуса (комиссия по расследованию злоупотреблений чиновников 1247 г. и изданный на основе ее выводов краеугольный для всей структуры исполнительно аппарата ордонанс декабря 1254 г.).

Роль королевского правосудия как основного инструмента складывания централизованных национальных монархий – огромная тема, и о ней написано так много, что я не буду подробно на ней останавливаться¹⁰. Отмечу лишь, пунктирно, существенные для данной темы элементы.

Функция «короля-судии», «верховного арбитра», стоящего над схваткой и воздающего каждому должное – внесла решающий вклад в повышение морального авторитета королевской власти и в укрепление ее институтов. Идентификация монарха через судебную функцию сделала отправление правосудия мерилom оценки каждого правления¹¹. Прославление королевского правосудия во Франции постепенно удревнялось, доходя вплоть до времени царствования Хлодвиг¹², но именно начиная с Людовика IX Святого каждого короля оценивали через функцию отправления им правосудия. Даже излюбленный во французском политическом словаре титул «наихристианнейшего короля», трактуемый как знак избранности французского народа, обосновывался применительно, например, к королю Филиппу IV Красивому, тем, что тот якобы «блистал над всеми прочими правителями мира своим правосудием (как и верой)»¹³. Равным образом Кристина Пизанская, прославляя Карла V Мудрого, неизменно именуется его «столпом правосудия»¹⁴.

Показательно, что высшей формой установления справедливости признается именно личный суд короля, причем, парадоксальным образом, эта идея усиливается параллельно с укреплением и разветвлением судебного аппарата короны Франции, реально и повседневно оправляющего данную функцию. Картина – сидящий под Венсеннским дубом король Людовик IX Святой, выслушивающий жалобы подданных и выносящий свое решение, – становится квинтэссенцией идеального правления. Замечу, что эта картина не имеет ничего общего с «буколическими мотивами», как полагает К. Бон, но отсылает к «древу» – архаическому символу связи земли и неба и образу истинного правосудия¹⁵.

Иконография французской монархии настойчиво пропагандировала эту мифологию. Наиболее показательный пример – «Ретабль» (Распятие) в Большой палате Парламента, картина, созданная в 1454 г. в качестве образного ориентира для судей верховного суда королев-

ства. На ней вокруг Распятия Христа изображены один «национальный святой» – св. Дионисий (с отрубленной головой в руках) и два «французских святых короля» – Карл Великий (идентифицируемый традиционно по пышной бороде) и Людовик Святой – причем изображенный с чертами лица Карла VII – явно высокая оценка его правления «заказчиками» картины. Висящая в центре большой стены в главной зале Парламента картина, невольно притягивая взоры, олицетворяла «истинное правосудие» и «главного судию», с оглядкой на которого и должен был вершиться суд в верховной судебной палате Французского королевства¹⁶.

Отличительным знаком избранности королей Франции как вершителей истинного правосудия объявлялась такая специфически французская инсигния, как «длань правосудия» – преобразованный второй, короткий жезл короля, с навершием в виде благословляющего крестного знаменья. Король держал ее в левой руке, подражая Богу, выносящему приговор. Кстати, в связи с трактовкой именно этой инсигнии и был написан приведенный выше пассаж из трактата Ла Рош-Флавена, где толкуется о знаках превосходства Франции: «все короли имеют скипетр, но только короли Франции имеют совокупно длань правосудия как один из знаков их власти», поскольку в их Парламентах вершится истинное правосудие. Аналогичные идеи мы встречаем и у другого знаменитого юриста XVI в. Шарля Луазо: «в нашей монархической Франции рука обычно означает публичную власть, и говоря о «взятии под руку», «передаче в руки» мы подразумеваем именно эту руку, которую мы зовем дланью короля или правосудия... и наши короли, будучи облачены в королевское одеяние, держат ее как самые главные судьи-миротворцы в мире, помимо скипетра, общего у всех королей»¹⁷.

Хотя само наименование короткого скипетра (*virga*) как «длани правосудия» появляется в 1461 г., свидетельствуя о произошедшей важной идейной трансформации, однако его древнейшее изображение восходит к королевской печати Людовика X Сварливого, а использовался он с 1315 г. И неслучайно первый король, изображенный держащим малый скипетр с навершием в виде благословляющей руки судьи, был, разумеется, Людовик IX Святой. Впервые изображение появилось в 1299 г. на печати доминиканского монастыря в Эврё, основанного под его патронажем; затем – на витраже Троицы в церкви в Вандоме (ок. 1300–1305 гг.). Ученые справедливо относят трансформацию малого скипетра в «длань правосудия» к самому концу XIII в. как отражение перехода от короля-мудреца к королю-миротворцу и судье – уже не Давид, но Соломон¹⁸. Длань правосудия, до конца XV в. именуемая в обиходе «жезлом Господа» (*baton a seigneur* – как благословение), возводилась именно к «святому королю». А утверждается эта почетная «генеалогия» в правление Филиппа IV Красивого, что невозможно отделить от наступательной идеологической программы королевских советников-легистов, от существенного расширения административной власти короны, от разработки «позитивного права» и оформления монархических институтов. Обновляющейся форме правления должен был соответствовать и новый атрибут короля. Кстати, заметим, что со временем все королевские инсигнии начинают трактоваться во Франции именно как символы правосудия (в том числе цветок лилии)¹⁹.

Олицетворением превосходства французского правосудия становится особый статус Парламента, стоящего на вершине иерархической структуры органов королевской власти. Этот высокий статус верховного суда подкреплялся его функцией «репрезентации короля», означавшей не столько символическое подобие, сколько чисто юридическую «заменяемость» государя Парламентом. В трактате Филиппа де Мезьера «Сновидение старого паломника» (конец XIV в.) Французское королевство восхваляется как «источник правосудия», и главным образом Парламент: «под небом не найти более достойной, ни более справедливой кузницы, чем святой Парламент в Париже»²⁰. Современники, а вслед за ними и историки спорили, кто же был основателем Парламента. Хотя предпринимались отдельные попытки

удревнить его историю, возведя к самому Карлу Великому, правителю *par excellence* Средневековья, или же к Пипину Короткому, но в значительной мере спор «крутился» вокруг двух знаковых для монархии имен – Людовика IX Святого и Филиппа IV Красивого²¹.

Важно, при этом, иметь в виду, что сами парламентарии к XVI в. настаивали на решающей роли Людовика IX Святого в «оседании» Парламента отныне и навсегда в столице королевства – в Париже, во Дворце в Ситэ, поскольку первые сохранившиеся в парламентских архивах протоколы датируются 1254 г. – важная дата, отсылающая и к великому реформаторскому ордонансу о «преобразовании нравов в королевстве»²². Потомственный магистрат, парламентарий и знаток судебных архивов XVII в. Жан Ленен даже цитирует письмо, адресованное парламентариями королю, где говорится, что именно Людовик Святой основал Парламент²³. Это оседание верховной судебной палаты в Париже стало важнейшим фактором отделения функции правосудия от персоны монарха, сняв с магистратов необходимость следовать за ним и разорвав их «генетическую» связь. Что же до роли Филиппа IV Красивого, то она трактовалась как придание Парламенту новой структуры: разделение на две палаты: Верховную, выносящую приговоры, и Следственную, готовившую материалы к процессам. Не менее важным была и осуществленная им масштабная реконструкция Дворца в соответствии с новой идейной программой Французской монархии²⁴.

Единый центр для всей страны – столица королевства – призван был сыграть важную роль в процессе централизации и складывания национального единства. С этой целью Париж прославлялся идеологами монархии на все лады: его объявляли «раем» (возводя этимологию Paris к Paradis), новыми Афинами и новым Иерусалимом. На фоне политической консолидации и процесса национальной самоидентификации возникает совмещение «Святой Земли» за морем и «милой Франции», страны нового избранного народа, сообщества свободных людей (этимология этнонима «франки» от слова franc – «свободный»). Но главное – Париж объявили новым Римом, «общей родиной» (*communis patria*) для всех подданных короны Франции, наряду с «малой/личной родиной» у каждого человека²⁵. Знаменательно, что именно под пером юристов, взявших идею из Дигест, и именно начиная с XIII в., особенно в период борьбы французской короны с папой Римским Бонифацием VIII, происходит символическое отождествление Парижа с Римом как символом «общей родины» и формируется принципиально новый тип патриотизма²⁶. В качестве иллюстрации широкого распространения этой идеи приведу лишь один пример: 14 июня 1380 г. во время весьма заурядного судебного заседания в Парламенте по поводу тяжбы между прокурором торговцев морской рыбой в Париже и королевским прево, последний в числе аргументов в пользу превосходства своей юрисдикции напомнил, что «Париж лучший и самый знатный город королевства, он Рим в этом королевстве»²⁷.

Надо признать, аналогичный процесс происходил едва ли не повсеместно в Европе, где активно развивались централизованные «национальные» монархии. Повсюду пропагандировались идеи богоизбранности данного «народа», а столицы складывающихся государств объявлялись новым Римом. И все же французский вариант имел свою весьма существенную особенность. Постепенно, по мере усиления судебных функций монархии и расширения компетенции верховного суда, Париж начинает прославляться в связи с нахождением в этом городе верховной судебной инстанции Французского королевства – Парламента. Причем любопытно, что иные верховные ведомства, также обосновавшиеся в столице, никогда не упоминались в доказательство приоритета Парижа, а их нахождение в столице даже не фигурировало в структуре их номинации²⁸. Высшая судебная функция, осуществляемая Парламентом в Париже, напротив, сделалась стратегией политической консолидации и предметом национальной гордости подданных Французского королевства. Так, в указе

1390 г. о расширении судебных полномочий Парламента за счет юрисдикции церкви Нотр-Дам в Париже говорится, что этот судебный орган «находится в лучшем и самом знатном городе нашего королевства, в каковом пребывает наш престол и резиденция главного суверенного суда»²⁹. В ряде указов высокий статус Парижа также обосновывался тем, что именно здесь «находится суверенная резиденция правосудия нашего королевства»³⁰. В этом отношении особенно показателен указ Генриха VI как главы «соединенного королевства» Англии и Франции по договору в Труа 1420 г. Учитывая свою спорную легитимность, он намеренно подчеркивает соблюдение традиций французского законодательства. Подтверждение в 1431 г. привилегий Парижа в указе обосновывается так: «главный город нашего королевства Франции, наделенный святыми реликвиями Страстей Христовых и украшенный суверенным судом, отправляемым и находящимся в курии нашего Парламента... по образцу города Рима, каковой давние императоры почитали за главный город и больше всех остальных городов его одаряли почестями и привилегиями»³¹. Виднейший юрист и идеолог монархии Жан Жувеналь дез Юрсен писал в трактате «Внемлите небеса» в 1435 г.: «Париж создали три вещи – пребывание здесь монархов, суверенного суда всего королевства и университета»³². На заседании Генеральных Штатов в Туре в 1484 г. депутат от Парижа, доктор теологии Жан де Рели восхвалял те же преимущества столицы, говоря о «достоинстве, благородстве и древности доброго города Парижа, резиденции королевского величества, древнейшем местопребывании королей, ложе правосудия и доме мудрости»³³.

Таким образом, Парламент превращается в один из факторов идентификации Французской монархии и в знак ее превосходства над другими странами, а отправляемая им судебная функция – в предмет национальной гордости. В указе королевы Изабо Баварской, изданном в драматичный для французской монархии момент грядущего раскола страны, в 1418 г., о статусе правосудия и Парламента говорится в возвышенном тоне и в превосходных степенях: «главный и суверенный суд королевства, чья репутация была столь велика и славна во всем мире, что нации и провинции, как соседние королевству, так и чужие и очень отдаленные часто стекались сюда, одни – чтобы созерцать правосудие, кое почитали больше за чудо, чем за человеческое творение, другие – дабы снискать здесь свободно права и разрешения в своих жарких спорах и раздорах»³⁴. Парламентский прокурор и поэт Марциал из Оверни писал о Парламенте как о знаке превосходства Франции, которую «сверхпочитали из-за суда благородного Парламента»³⁵.

Излюбленным доказательством беспристрастности и справедливости французского правосудия становится образ сарацина, как стали именовать на Западе мусульман. Именно фигура иноверца призвана была доказать, что во Франции перед судом все равны, и здесь творится истинное правосудие «невзирая на лица». Как следствие, пропагандируется идея о том, что иные народы часто прибегали к судебному арбитражу короля Франции, как знак превосходства Французского королевства. Филипп де Мезьер обыгрывает с разных сторон обращение «язычников и сарацинов не единожды к святому Парламенту в Париже..., чего нельзя сказать ни обо одном другом королевстве христианского мира». Кстати, и в позиции *contra*, для критики нынешнего состояния дел в Парламенте, он также использует образ сарацина: «что же до сарацинов, кои ищут правосудия в благословенном Парламенте, ясно, что если бы они знали, как долго длятся тут процессы, ноги бы их не было здесь»³⁶. В демонстрации Парижского университета, поданной на собрании депутатов Штатов в 1413 г. в ходе восстания кабошьенов, также используется этот миф: «И по причине великой славы и истинной справедливости, хранимой здесь без пристрастия и лицепрятия, не только иные нации христианского мира, но подчас сарацины, как говорят, обращались сюда за приговорами»³⁷. В цитируемой выше поэме Марциала из Оверни, прославляющей французское

правосудие, говорится о том же: «сарацины, язычники и неверующие, привлекаемые к суду за свои делишки и лихоимство, обращались к королю и королевству Франции из-за репутации и превосходства правосудия, царящего здесь столь высоко, в поисках справедливости., моля благородного короля Франции поручить их дело благородному суду Парламента»³⁸. Итальянец Антонио Астесано в поэме 1461 г., восхваляя

Парламент как аналог Римского Сената, писал: «Слава этого суда до того распространена в мире, что можно видеть не только верные Богу народы, но и почитателей ложных богов и богинь..., присылающих со всех сторон земли свои дела, дабы передать их решению этих советников и уважать их приговор, словно бы божественный»³⁹.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.